

RESPUBLICA
LITERARIA

№2 2023

Respublica Literaria

2023. Т. 4. № 2.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Синеокая Ю. В. (ИФ РАН, Москва, Россия)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А.М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А.М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е.М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е.В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГИИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжеников А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г.С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell С. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A.V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Editor – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Sineokaya Yu. V. (IP RAS, Moscow, Russia)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A.M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E.M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G.S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz.
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Бердаус С. В. Подходы к осмыслению феномена фантазии: философия vs психология.....	5
Борисов Е. В. Мультионтология под ключ.....	17
Егорова О. С. Подходы в восприятии характера Аристотеля в русской интеллектуальной литературе (вторая половина XVIII – начало XX вв.).....	22

СОЦИОЛОГИЯ

Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Сохранность демографического потенциала регионов России.....	35
Винокурова А. В., Мунхбат О., Алтансукх В., Чанцалсурэн М. Из Монголии в Канаду: за образованием и работой.....	48
Маклашова Е. Г. Социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера: к вопросу о методологии изучения (на материалах Республики Саха (Якутия)).....	59
Солодова Г. С. О хартленде и роли России в евразийском пространстве.....	76

РЕЦЕНЗИИ

Икингрин Е. Н. Рецензия на книгу: Павлов Б. С., Гогиберидзе Г. М., Пацула А. В. Актуальные модели государственной и региональной политики в сфере патриотического воспитания.....	84
Макаров Д. И. Рецензия на книгу: Оболевич Т. Восточно-христианская традиция в современной русской мысли и не только.....	90

CONTENTS

PHILOSOPHY

- Berdaus S. V.** Approaches to Interpretation the Phenomenon of Fantasy:
Philosophy vs Psychology..... 5
- Borisov E. V.** How to Produce a Turnkey Multiontology..... 17
- Egorova O. S.** Approaches to the Perception of Aristotle's Character in Russian
Intellectual Literature (Second half of the 18th – early 20th centuries)..... 22

SOCIOLOGY

- Abramova M. A., Goncharova G. S.** Preservation of the Demographic Potential
of Russian Regions 35
- Vinokurova A. V., Munkhbat O., Altansukh V., Chantsalsuren M.**
From Mongolia to Canada: For Education and Work..... 48
- Maklashova E. G.** Social Well-being of the Indigenous Peoples of the North:
to the Question of the Methodology of Study
(on the Materials of the Republic of Sakha (Yakutia))..... 59
- Solodova G. S.** About the Heartland and the Role of Russia in the Eurasian Space.. 76

REVIEWS

- Ikingrin E. N.** Book Review: Pavlov, B. S., Gogiberidze, G. M., Patsula, A. V.
Actual Models of State and Regional Policy in the Field of Patriotic Education..... 84
- Makarov D. I.** Book Review: Obolevitch T. The Eastern Christian
Tradition in Modern Russian Thought and Beyond..... 90

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА ФАНТАЗИИ: ФИЛОСОФИЯ VS ПСИХОЛОГИЯ*

С. В. Бердаус

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
s.berdaus@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме автономности исследований сознания, осуществляемых психологией и философией. В качестве типологического примера взят феномен фантазии, фантазирование. Опираясь на общую картину исследований этого феномена в современной психологии, использования фантазирования в различных техниках и практиках, показана асимметричность теоретико-методологических усилий в этой области. На ряде примеров из области философской парадигмы была отмечена определенная завуалированность подлинной роли фантазирования. Высказано предположение о продуктивности концентрации на почве феноменологии Гуссерля эвристического материала, как психологии, так и философии, для переосмысления значимости феномена фантазии в деле постижения глубин человеческого сознания.

Ключевые слова: Гуссерль, интенциональность, феноменология, фантазия, фантазирование, воображение, современная психология.

Для цитирования: Бердаус, С. В. (2023). Подходы к осмыслению феномена фантазии: философия vs психология. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 5-16. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.5-16

APPROACHES TO INTERPRETATION THE PHENOMENON OF FANTASY: PHILOSOPHY VS PSYCHOLOGY*

S. V. Berdaus

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
s.berdaus@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the autonomy of the studies of consciousness carried out by psychology and philosophy. The phenomenon of fantasy, fantasizing, is taken as a typological example. Based on the general picture of research on this phenomenon in modern psychology, the use of fantasizing in various techniques and practices, the asymmetry of theoretical and methodological efforts in this area is shown. On a number of examples from the field of the philosophical paradigm, a certain veil of the true role of fantasizing was noted. An assumption is made about the productivity of the concentration on the basis of Husserl's phenomenology of heuristic material of both psychology and philosophy for rethinking the significance of the phenomenon of fantasy in comprehending the depths of human consciousness.

Keywords: Husserl, intentionality, phenomenology, fantasy, fantasizing, imagination, modern psychology.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00911.

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-00911.

For citation: Berdaus, S. V. (2023). Approaches to Interpretation the Phenomenon of Fantasy: Philosophy vs Psychology. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. С. 5-16. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.5-16

Актуализация проблемы

В середине XIX в. начался процесс сепарации психологии от философии¹. Становление этого процесса носило и носит характер, с одной стороны, драматический, а с другой – захватывающий. Драматический, потому что так и не состоялся и не закрепился в ранге регулярного рабочий диалог между этими двумя дисциплинами. Современную психологию можно описать как калейдоскоп мнений относительно понимания природы психики и практик по работе с ней. Однако всё разнообразие этих мнений и практик плохо вписывается даже в самые ординарные требования логоса, логического единства, предъявляемые к любой полноценной науке (био-логии, фило-логии, нейро-логии и проч.). Отсутствие универсальных принципов аналитики сознания и бессознательного, корреляции психики и тела и т. п. не дает возможности психологии обрести требуемые критерии науки (и это помимо предметно-методологической гетерономии и полифоничности, эскизности и неизбежной условности в описании структур сознания). Эти принципы исторически и сущностно должна была предоставить философия, и многое уже было сделано. Однако перипетии нововременной психологии и трансцендентализма кантовской философии [см.: Бердаус, 2022] возвели непреодолимые препятствия для органического и при этом самостоятельного развития, как эмпирической психологии, так и собственно трансцендентальной философии.

Увлекательность же этих напряженных отношений раскрывается перед нами при столкновении и параллельном рассмотрении того, как философия и психология справляются с осмыслением одного и того же проявления сознания, в том числе когда пытаемся соотнести плоды исследований этих дисциплин. Одним из ярких примеров подобного может служить способность фантазирования и ее результат – фантазия. В представленной статье на примере феномена фантазии мы рассмотрим последствия автономного развития психологии и философии (трансцендентализма в большей мере) и актуализируем важность феноменологического исследования подобных переживаний сознания. С методологической точки зрения нас не будет интересовать полноценная, проделанная в академическом духе реконструкция концептуализации и интерпретации феномена фантазии в психологии, философии и феноменологии Гуссерля, также в этой статье мы не будем касаться собственно феноменологических дескрипций переживания фантазии. Мы будем двигаться в рамках эйдетической истории сознания [Бердаус, 2020, с. 23-26], прибегая к методологии историко-эйдетической редукции, целью которой выступает «реактивация старых мотивов мышления

¹ Сразу оговоримся, что поскольку постановка проблемы в представленной работе осуществляется в достаточно большом масштабе, у нас не будет возможности тонко прочерчивать контуры отличий одной школы психологии от другой, реконструировать систему отдельно взятого психолога или философа, во всей полноте раскрывать содержание того или иного концепта и т. п. Изложение в статье будет производиться очень широкими мазками, подобный подход обосновывается убежденностью автора в необходимости постановки проблемы именно так. А уже в дальнейшем можно будет приближать масштаб, и отдельные вопросы рассматривать более прицельно, ориентируясь на оптику, приобретенную на первом этапе.

и формирование абсолютно новых» [Allen, 1982, p. 620] для оттачивания навыка проведения различия (критики) между «трансцендентальным субъектом и психологическим, категориальной интуицией и восприятием, <...> наукой о сущем, поскольку оно сущее, и наукой о части бытия» [Sokolowski, 2012, p. 27].

Фантазия – пути психологии

Психология охватывает широкий и разнородный спектр проблем, так или иначе связанных с фантазией. В рамках так называемой теоретической психологии (дисциплины, ответственной, в частности, за анализ познавательных процессов, процессов аффективной жизни, т. е. занимающейся, по сути, проблемами философии, но как-то «по-другому») сложно найти исследование, в котором о феномене фантазии или о способности фантазировать (если выражаться корректнее, с психологической точки зрения) было бы сказано комплексно, исчерпывающе и разнопланово. Возможно, это объясняется тем, что для современной психологии по-прежнему остается зыбкой грань между фантазией и воображением, а также рядом смежных переживаний сознания. Критика в этом вопросе все еще не выявила каких-то определенных границ, позволяющих сформулировать концептуальные и терминологические ориентиры.

Все самое интересное разворачивается в другом поле психологии, а именно в практической психологии. Здесь разнообразный эмпирический материал, который преподносит психологам, психоаналитикам, психотерапевтам отдельно взятый человек (порой действительно страдающий расстроенными нервами, а порой просто ангажированный интересом к головокружительным идеям современных авторов), служит постоянным вызовом для практикующих специалистов и исследователей.

Мы не будем брать на себя работу, которую должны были бы выполнить теоретические психологи, а именно предоставить универсальную «картографию» сложнейшего в описании и функционировании феномена фантазии (или фантазирующего сознания и т. п.), а ограничимся перебором наиболее значимых на сегодняшний день отдельных позиций по этому вопросу. Для удобства изложения и последующего восприятия мы предложим лишь один критерий – сосуществование двух миров: внутреннего (душевный мир, внутренняя реальность, внутренние переживания и т. п.) и внешнего (объективный мир, объективная и внешняя реальность, предметная реальность, переживаемая в сознании человека). Сосуществование внутренней и внешней реальностей, а также меняющиеся плоскости этого сосуществования – параллельное, пересеченное, смешанное, синкретичное и т. п., мы предлагаем в качестве чисто технической точки отсчета для изложения.

Пожалуй, первое и главное на чем следует сделать акцент – это то обстоятельство, что психология в большей мере сосредоточена на *результате* фантазирования – фантазии – или фантазме, а не на самом процессе. Истоки этого мы находим уже в работах З. Фрейда. Что такое результат фантазии? Самые простые примеры: поэтические и литературные произведения – это результат фантазирования поэтов и писателей, трансцендентальная философия – это результат фантазирования философов, образ «любящей матери» или «жестокотого отца» – это результат фантазирования ребенка и т. п. Зачем поэты, философы, дети этим занимаются? Затем, что переживание многих эмоций довольно часто конвертируется и с непомерным ускорением подвергается рационализации, а это ускорение

возможно только там, где человек обладает полнотой полномочий над временем – в фантазии. Затем, что формирование управляемых миров (которые управляются собственно автором фантазии) помогает справиться, смириться, найти общий язык хотя бы на какое-то время с внешней реальностью, с тем миром, управлять которым не получается (а невозможность управления этим внешним миром приводит к острому чувству небезопасности и тревоги). Логика Фрейда вполне ясна – избавление человека от страхов (сознательных и бессознательных) устраняет необходимость уходить в мир фантазий. Формирование трезвого реалиста и прагматика излечивает от поэтического дара, так сказать. Однако было бы, конечно, грубой ошибкой говорить о полном игнорировании Фрейдом самого процесса фантазирования. Правильнее говорить об игнорировании Фрейдом тех методов, которыми этот процесс или феномен можно изучать, а именно философскую методологию. Фрейд искал новые пути, которые бы смогли раскрыть потенциал психоанализа. И пути эти были весьма тернисты. В целом исследователи, занимающиеся местом фантазии в психоанализе, прослеживают эволюцию идей Фрейда в динамике таких работ как: «Толкование сновидений» (1900), «Истерические фантазии и их связь с бисексуальностью» (1908), «Семейный роман невротиков» (1906) [Bernet, 2012, pp. 1-21]. От себя бы мы хотели добавить, что более глубокое понимание интенций Фрейда нужно искать в его метапсихологических работах², достаточно сложных для понимания, но демонстрирующих глубокие философские интуиции основателя психоанализа, посетившего, напомним, лекции Франца Brentano.

Последователь Фрейда Ж. Лакан сумел ввести фантазию и фантазирование непосредственно в философскую плоскость (видимо, поэтому на сегодняшний день учение Лакана признается откровенно философским), выделение им трех регистров – Символического, Реального, Воображаемого – собственно иллюстрирует наложение разных уровней переживания сознания, от фантазирования до пассивного восприятия и пассивного конституирования. Другой последователь Фрейда Д. Винникот, мысль которого потрясает тонко и виртуозно вращалась в пространствах внутренней и внешней реальностей, разрабатывал теорию так называемых переходных объектов, тех, что позволяют ребенку начать осмыслять себя частью этой «нашей», всеобщей реальности (объективной, разумеется). И здесь обратим внимание на крайне важную деталь формулировки «я обращаюсь не к одежде или плюшевому мишке, с которым играет младенец, не к используемому объекту, а к *использованию* (курсив наш – Б. С.) объекта» [Винникот, 2017, с. 6]. Более того, Винникот называет это использование «универсальным феноменом» и констатирует, что этот феномен может быть усмотрен исключительно «в пределах пространства, связанного с магией воображения и творчества» [Там же, с. 5].

Второе, на чем следует сделать акцент – это использование фантазирования в ряде техник и методик, которые предлагают разные психологические школы абсолютно разных идеологических направлений. Немного примеров: 1) техника «Пустой стул» в гештальт-терапии (пациент общается с воображаемым собеседником, который «сидит» на пустом стуле); 2) две техники, опирающиеся на положения юнгианского психоанализа: техника направленного фантазирования Робера Дезуаля [Desoille, 1961; 1973] и имажинация

² Именно структурная проблематика сосуществования, а точнее непосредственного соприкосновения внешней и внутренней реальностей, очень хорошо представлена в работах «Влечения и их судьбы», и в особенности «Вытеснение» [Фрейд, 2006, с. 79-127].

в кататимно-имагинативной терапии [Барке, Нор, 2019, с. 23-30]; 3) имплозивная терапия (форма поведенческой психотерапии, заключающаяся в намеренном погружении пациента в травмирующие воспоминания) [Stampfl, 1970], один из видов которой разворачивается в воображении и т. п. Все эти техники связаны тем, что «эксплуатируют» возможности внутренней реальности – производство образов и связанное с этим высвобождение аффективной стороны переживаний текущих и прошлых.

Скажем немного и о парадоксальности возможностей внутренней реальности. Приведенные выше методики погружают человека в мир активного переживания образов, в мир фантазии, как бы на ощупь, пытаясь найти иной язык терапевтического воздействия на сознание человека. Тем примечательнее, что набирает популярность (в пейоративном смысле) патологическое состояние, определяемое в современной психологии как навязчивые грезы (*maladaptive daydreaming*) – форма чрезмерной, не поддающейся контролю мечтательности, фантазирования [Pietkiewicz et al., 2018; Somer, 2002; Somer et al., 2016]. Человек практически полностью выпадает из внешней (социальной в том числе) реальности, не может работать, избегает связей с людьми и т. п. Если в состоянии активного фантазирования человека можно ввести и вывести, то вот методики, выводящей человека из вынужденного фантазирования, пока нет. Мы связываем это в первую очередь с тем, что не установлена, не выявлена сущностная природа переживания фантазии.

Этот пестрый набор примеров и ситуаций, непосредственно связанных с фантазией, на интуитивном уровне дает ощущение внутренней связности, общего поля переживаний сознания. Однако теоретическая психология, по-видимому, не в состоянии найти адекватный предметно-методологический инструментарий для экстрагирования и дескрипции этого общего для репрезентативной критики фантазии и фантазирования самих по себе.

Фантазия – пути философии

Согласно логике изложения, намеченной в этой статье, сейчас мы должны представить некий сжатый, но информативный отчет об актуальном статусе феномена фантазии в философии. И это отчасти будет сделано. Но давайте сразу зададимся очевидным вопросом: что именно философия упустила из виду в отношении фантазии? Ведь алгоритм статьи такой: психология – упустила, философия – упустила, а вот феноменология восполнит! Ничего, конечно, философия не упустила. А заслуга феноменологии в одном – она назвала вещи своими именами и призвала работать с ними по мере их сущности: «*Эйдос, чистая сущность*, может интуитивно воплощаться в данностях опыта, в данностях восприятия, воспоминания и т. д., однако равным образом *и в данностях просто фантазии*» [Гуссерль, 2009, с. 36], или чуть подробнее: «... квази-представляемое в воображении (*Vorschwebende*) может быть фикцией и только, но зато сама квази-представляемость, фантазирующее сознание само по себе не сфантазировано, и его сущность, как и всякое переживание, включает в себе возможность рефлексии, воспринимающей и схватывающей абсолютное присутствие здесь». [Husserl, 1976, p. 97] Обобщить можно следующим образом: и философские идеи в том числе могут быть продуктом квази-представляемого в сознании, т.е. просто продуктом фантазии. Но этот продукт сам по себе не «онтологизируется» автоматически в фикцию и этот пункт предельно принципиален для Гуссерля. С одной стороны, гипотетико-дедуктивный метод, сущность, идея, представление, интуиция,

созерцание, эйдос, смысл, т. е. большинство институциональных конституэнт философии можно назвать фантазией³, фикцией. А с другой – в них можно усмотреть чередование разных модусов переживаний сознания (восприятия, памяти, фантазии) и сосредоточиться на вопросе: зачем происходит это чередование, что оно дает на отдельно взятом этапе мышления?

Первый путь нашел свое отражение в философии фикционализма Ганса Файхингера, автора работы «Философия “как если бы”» («Philosophie des Als Ob»). «Фикции, – утверждает Файхингер, – это психические образования (psychische Gebilde). Психика выкручивает (ausspinnen) из себя эти инструменты; ибо душа (Seele) изобретательна; вынужденная необходимостью, раздраженная внешним миром, она открывает сокровище ресурсов, которые таятся в ней самой» [Vaihinger, 1922, p. 19]. «Изобретательность» человеческой души подарила миру целую галерею разнообразных фикций: символические, юридические, эвристические, этические, математические и т. д. Файхингер всю историю философии (от античности до современных ему воззрений) нанизывает на проблематику фикционализма, усматривая в этом принципе унифицирующий сюжет развития философской мысли.

Второй путь – это те случаи, когда философы заостряли внимание на фантазии как очень специфическом феномене, связующем эмпирическую и рациональную стадии познания или становления мысли. Правда, и здесь, как и в случае с психологией, возникает вопрос: заостряли внимание на результате или на процессе?

Одним из первых, кто привлек фантазию к решению эпистемологических задач, был Аристотель. В работе «О памяти и воспоминании» им формулируется апория: почему, когда состояние наличествует, а вещь нет, вспоминается то, чего нет? Решение этой проблемы представлено у Аристотеля не в теории ощущения, как полагали некоторые ученые (например, Brentano), а в теории фантазии [Caston, 1998].

Далее нужно назвать Д. Юма, чья постановка вопроса о природе познания до сих пор актуальна и выступает настоящим вызовом для философии. Приведем краткое описание его блистательной постановки философской проблемы: имеет место «только два типа феноменов – впечатления и идеи. Первые отличаются силой и живостью, они первичны, это подлинная реальность сознания, но знанием их не назовешь, потому что у них как бы нет объекта, или источника, переход от которого к впечатлениям мог бы трактоваться как процесс познания. В сознании, конечно же, нет внешнего мира как независимой от сознания реальности, и его роль выполняют впечатления. Идеи же представляют собой ослабленные копии впечатлений или их комбинации. Копирование и комбинирование впечатлений может быть представлено как познавательный процесс, но только чисто аналитического свойства, поскольку самая сложная идея должна быть в принципе разложима на совокупность впечатлений, иначе она объявляется ложной, иллюзорной, фантастической (курсив наш – Б. С.). Отсюда следует,

³ Есть и такая, принадлежащая Я. Голосовкеру, версия: «Спросят: не хочу ли я показать, что вся так называемая идеалистическая философия была на самом деле имагинативной философией и что ее якобы идеалистическая, оторванная от реальности, видимость есть на самом деле имагинативная реальность, какой является и вся духовная культура? Да, именно это хочу я показать. Вместо слова «воображение» философы применяли самый сложный словарь терминов, вращаясь в интеллектуальной сфере: трансцендентный, трансцендентальный и т. д., смешивая заодно предмет познания, метод познания, средства познания, процесс познания и т. п. <...> А ведь надо было только произнести слово “имагинация”, чтобы разрешить все недоразумения с идеалистической философией» [Голосовкер, 2010, с. 4].

что знание (идеи) никогда не содержит ничего нового по сравнению с впечатлениями, а, следовательно, говорить о процессе познания как о переходе от незнания к знанию, о приращении знания невозможно. Если человек приобретает новые впечатления, то они возникают в сознании необъяснимо, как бы ниоткуда, а их копирование и комбинирование ничего принципиально нового не дает. Не считать же ослабление впечатления признаком познания! Таким образом, впечатления не являются знанием по своему источнику, а идеи не соответствуют критерию знания по содержанию и развитию» [Касавин, 2011, с. 159]. Перед нами то, что традиционно именуется юмовским скептицизмом. Для нас важна та заостренность, концентрированность и в тоже время парадоксальная невосприимчивость к самой «материи» процесса формирования впечатлений и идей. В оценке всей этой ситуации мы вновь видим появление термина «фикционализм», коим Гуссерль стигматизирует философию Юма: «Мир вообще, природа, универсум тождественных тел, мир тождественных личностей, а затем также и объективная наука, познающая их в их объективной истине, в юмовском “Трактате” превращается в фикцию. Чтобы быть последовательными, мы должны сказать: разум, познание, в том числе и познание истинных ценностей, чистых, даже этических, идеалов – все это фикция» [Гуссерль, 2013, с. 152].

С мощным прорывом к преодолению скептицизма Юма обычно связывают «коперниканский поворот» И. Канта. Но что-то снова пошло не так. Обратимся вновь к оценке Гуссерля: Кант «не пробился к абсолютной субъективности, конституирующей все сущее в его смысле и значимости, и к методу, который позволил бы достичь ее в ее аподиктичности, исследовать ее и аподиктически истолковать ... <...> Все трансцендентальные понятия Канта: понятие Я трансцендентальной апперцепции, понятия различных трансцендентальных способностей, понятие “вещи по себе” [“Ding an sich”] (лежащей в основе и тел, и душ) – суть конструктивные понятия, которые принципиально противятся последнему прояснению» [Там же, с. 327-328]. На смену фикционализма Юма пришел конструктивизм Канта. Но так или иначе идеи двух этих великих мыслителей сформировали своего рода туннель, по которому двигалась дальше философская мысль. Ибо все сказанное «в полной мере относится и к позднейшим идеалистическим системам» [Там же]. В том числе и к философской системе неокантианца Файхингера, с которой мы начали этот раздел.

Феноменология и пределы взаимодействия

Первым делом коротко поделимся своим небольшим научным «открытием». С идеями Г. Файхингера мы познакомились совсем недавно, в ходе работы над представленной статьей. Возможно, эта персоналия как-то была упомянута в университетском курсе по истории философии, а, возможно, и не была. На сегодняшний день подобного рода немецкая философия – обстоятельные, сверхструктурированные, подробнейшие спекулятивные умопостроения – в трендах не числится. Тем примечательнее идеи этого философа для автора статьи, числящегося феноменологом. Но, как оказалось, в российской историко-философской науке работа, посвященная соотношению Файхингера и феноменолога Гуссерля уже была проведена. Труд этот проделала замечательный российский ученый Н. В. Мотрошилова, не перестающая удивлять широтой горизонта своих исследований. В статье «Г. Файхингер и ранний Гуссерль: опыт не вполне обычного сопоставления» Нелли

Васильевна приходит к выводу, что «философия Als-Ob» Ганса Файхингера – философия интересная, оригинальная, противоречивая. В деятельности этого философа чрезвычайно важны специальные, специфические историко-философские разработки. Это чисто кантоведческая линия, запечатленная, например, в обширном специальном его комментарии к *Критике чистого разума* Канта» [Мотрошилова, 2016, с. 306-307]. Гуссерль же, «интересуясь философией Канта, меньше всего интересовался конкретным кантоведением, и, по сути, никогда, а не только в ранний период, не углублялся в него» [Там же, с. 307]. Статья Нелли Васильевны собственно о том, что два современника – фикционалист Файхингер и молодой, но уже обратившийся от математики к философии Гуссерль, – не имели встречи друг с другом, в частности, встречи философской. Другими словами, Гуссерль не испытал влияния Файхингера. От себя мы сделаем лишь небольшое дополнение, сформировавшееся исключительно на текстологических обстоятельствах. В большинстве текстов, посвященных феноменологии фантазии, Гуссерль не использует немецкий вариант «как если бы», «как бы» – «als ob», он использует греческую приставку *quasi*. Вполне можно предположить, что Гуссерль так или иначе был наслышан о философии Файхингера, и, на самом деле, не принимая ее в расчет, просто хотел лишний раз отгородиться от чужих концепций, в том числе и на уровне терминов. Но это предмет другого исследования.

Как и обещали, мы не будем здесь занимать место реконструкцией феноменологии фантазии. Ниже предложим только своего рода путеводитель по этой области. Сейчас важнее сказать о тех пределах взаимодействия философии и психологии (в том числе по вопросу фантазии), на которые автор статьи аккуратно намекает на всем ее протяжении. Первое и главное – пределы должны быть наглядными и четкими. И второе – пределы должны быть реалистичными. Феноменологии уже более ста лет, все возможные революции в умах, которые были заложены в ее потенциале, она уже сделала. Остыв от произведенного эффекта (а остывать она стала достаточно быстро, уже в начале 70-х гг. прошлого века Хайдеггер констатирует, что «даже редкая феноменология застыла в догматизме» [Хайдеггер, 2012, с. 381]), утеряв лоск великого учения, феноменология стала просто методологией, которую пора перестать демонизировать за сложность (сложно любое философское учение, да и психологическое тоже, о метапсихологических работах Фрейда мы уже упоминали), а нужно просто применять ее в работе. Потребность же в этом для философии и психологии на примере фантазии мы и постарались показать в своей статье.

Ну, а теперь к Гуссерлю, к феноменологии фантазии! Традиционно для введения неофита в соответствующую тему, рекомендуется штудирование следующих лекций основателя феноменологии: 1) «Феноменологическая психология» [Husserl, 1968], собранных в 9 томе Гуссерлианы, и 2) «Фантазия, образное сознание, память. К феноменологии наглядных реактуализаций» [Husserl, 1980], собранных в 23 томе.

Мы со своей стороны хотели бы предложить несколько иной путь: перед работой с указанными лекциями советуем познакомиться с одним из поздних произведений Гуссерля «Опыт и суждение» [Husserl, 1939]. Эту работу можно называть поздней не только в силу факта ее написания на склоне лет. В этой работе основатель феноменологии не тратит силы на диалог с оппонентами (чаще напоминающий сокрушительный диалог с самим собой), на бесконечные повторы и проговаривания базовых принципов феноменологии. Нет, в этом тексте он сосредоточен на формулировании четкой, линейной алгоритмизации мыслительных процессов: допредикативных и предикативных. Нам продемонстрировано, как поток переживаний направляется и впадает в русло всеобщих структур предикации.

Фантазия же появляется строго к моменту эволюции от рецептивного опыта к рассудочной предметности. Главное, что требуется усвоить по прочтении этой работы, это то, что переживания фантазии никак не связаны с восприятием: «в то время как все восприятия относительно подразумеваемых в них предметностей соединяются в единство, относятся к единству мира, [то] предметности фантазии выпадают из этого единства, они не соединяются с предметностями восприятия для образования единства подразумеваемого мира. Конечно, фантазии Я связаны и друг с другом, и с восприятиями Я как переживаниями, это касается всех переживаний внутреннего сознания, воспринимающего по отношению к ним. [Фантазии Я] организуют себя как переживания, аналогично всем актам своего единства, – а это значит, что внутреннее сознание конституирует интенциональную связь. Но [фантазии Я] не связаны в своем предметном отношении ни друг с другом, ни с восприятиями» [Husserl, 1939. S. 195-196].

Указанные бессвязность, оторванность фантазирования от времени и пространства и делают этот акт сознания практически всемогущим. Фантазирование помогает формировать некие образы, позволяющие визуализировать, а значит в определенной степени и понимать то, что увидеть невозможно (например, фантазийное по своей сущности мифотворчество понижало у древних людей напряжение, связанное со страхом и непониманием природных явлений). Фантазия свободно проникает в воспоминания, что легко проиллюстрировать ситуацией, когда мы, силясь что-то вспомнить, на самом деле заполняем пробелы тем, чего не было. Также фантазия вклинивается и в ход философской рефлексии – невозможность увидеть трансцендентальные структуры сознания порождала различные «идеи», «абстрактные понятия» и т.п. Другими словами, мы можем проследить широкий диапазон фантазирования, от выдумывания до заполнения пустот в памяти или понимании. Феноменология фантазии предлагает заняться подробным анализом и наблюдением всех «движений» фантазирующего сознания, с тем, чтобы провести четкую грань между очевидностями (точно отрефлексированными и увиденными «шагами» фантазирующего сознания) и заблуждениями (темными и неясными переживаниями нашего сознания).

Список литературы / References

Барке, У., Нор, К. (2019). *Кататимно-имагинативная психотерапия: Учебное пособие по работе с имагинациями в психодинамической психотерапии*. Пер. И. Куприяновой. М.

Bahrke, U., Nohr, K. (2019). *Katathym Imaginativen Psychotherapie: Tutorial on Working with Imaginations in Psychodynamic Psychotherapy*. Kuprijanova, I. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Бердаус, С. В. (2020). Первая философия Э. Гуссерля в контексте феноменологии как науки. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 20-27.

Berdaus, S. V. (2020). The first philosophy of E. Husserl in the context of phenomenology as a science. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 20-27. (In Russ.)

Бердаус, С. В. (2022). Соотношение феноменологии и психологии: к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. *Полилог*. Т. 6. № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/S258770110020508-0-1> (дата обращения: 20.12.2022).

Berdaus, S. V. (2022). Correlation of Phenomenology and Psychology: To the Problem Statement. [Online]. *Polylogos*. Vol. 6. no. 2. Available at: <https://polylogos-journal.ru/S258770110020508-0-1> (Accessed: 20 December 2022). (In Russ.)

Винникот, Д. В. (2017). *Игра и реальность*. М.

Winnicott, D. V. (2017). *Playing and Reality*. Moscow. (In Russ.)

Голосовкер, Я. Э. (2010). *Избранное: Логика мифа*. СПб.

Golosofer, Ya. E. (2010). *Selected works: The Logic of Myth*. St. Petersburg. (In Russ.)

Гуссерль, Э. (2009). *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая*. Пер. А. В. Михайлова. М.

Husserl, E. (2009). *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book*. Mikhailov, A. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Гуссерль, Э. (2013). *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию*. Пер. Д. В. Кузницын. СПб.

Husserl, E. (2013). *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Kuznitsyn, D. V. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Касавин, И. Т. (2011). Дэвид Юм. Парадоксы познания. *Вопросы философии*. № 3. С. 157-171.

Kasavin, I. T. (2011). David Hume. The paradoxes of knowledge. *Voprosy filosofii*. no. 3. pp. 157-171. (In Russ.)

Мотрошилова, Н. В. (2016). Г. Файхингер и ранний Гуссерль: опыт не вполне обычного сопоставления. *Horizon*. № 5(2). С. 290-307.

Motroshilova, N. V. (2016). G. Vaihinger and early Husserl: an Attempt of a somewhat uncommon Comparison. *Horizon*. no. 5(2). pp. 290-307. (In Russ.)

Фрейд, З. (2006). *Психология бессознательного*. Пер. А. М. Боковикова. М.

Freud, S. (2006). *Psychology of the Unconscious*. Bokovikov, A. M. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Allen, J. (1982). What is Husserl's First Philosophy? *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 42. no. 4. pp. 610-620.

Bernet, R. (2012). Phantasieren und Phantasma bei Husserl und Freud. In *Founding Psychoanalysis Phenomenologically. Phenomenological Theory of Subjectivity and the Psychoanalytic Experience, Phaenomenologica 199*. Dordrecht. pp. 1-21.

Caston, V. (1998). Aristotle and the Problem of Intentionality. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 58. no. 2. pp. 249-298.

Desoille, R. (1961). *Théorie et pratique du Rêve-Éveillé Dirigé*. Genève.

Desoille, R. (1973). *Entretiens sur le Rêve-Éveillé Dirigé en psychothérapie*.

Husserl, E. (1939). *Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik*. Landgrebe, L (hg.). Prag. Academia Verlagsbuchhandlung.

Husserl, E. (1968). Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. In *Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. IX*. Dordrecht. Springer Science+Business Media.

Husserl, E. (1976). Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes buch. In *Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. III/1*. Dordrecht. Boston. London. Kluwer Academic Publishers.

Husserl, E. (1980). Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung. Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen. In *Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. XXIII*. The Hague. Boston. London. Martinus Nijhoff Publishers.

Pietkiewicz, I. J., Szymon, N., Bańbura, A. and Tomalski, R. (2018). Maladaptive daydreaming as a new form of behavioral addiction. *Journal of Behavioral Addictions*. no. 7(3), pp. 838-843.

Sokolowski, R. (2012). How Aristotle and Husserl Differ on First Philosophy. In *Life, Subjectivity & Art. Phaenomenologica 201*. Springer, Dordrecht. pp. 1-28.

Somer, E. (2002). Maladaptive daydreaming: A qualitative inquiry. *Journal of Contemporary Psychotherapy*. no. 32(2). pp. 197-212.

Somer, E., Lehrfeld, J., Jopp, D. S., Bigelsen, J. (2016). Development and Validation of the Maladaptive Daydreaming Scale (MDS). *Consciousness and Cognition*. no. 39. pp. 77-91.

Stampfl, T. G. (1970). Implosive therapy: An emphasis on covert stimulation. In *Learning approaches to therapeutic behavior change*. Chicago. pp. 182-204.

Vaihinger, H. (1922). *Die Philosophie des Als Ob. System der theoretischen, praktischen und religiösen Fiktionen der Menschheit auf Grund eines idealistischen Positivismus. Mit einem Anhang über Kant und Nietzsche*. Leipzig. Verlag von Felix Meiner.

Сведения об авторе / Information about the author

Бердаус Светлана Владимировна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

Статья поступила в редакцию: 31.12.2022

После доработки: 10.05.2023

Принята к публикации: 05.06.2023

Berdaus Svetlana – Candidate of Philosophy, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

The paper was submitted: 31.12.2023

Received after reworking: 10.05.2023

Accepted for publication: 05.06.2023

УДК 165.3:122

МУЛЬТИОНТОЛОГИЯ ПОД КЛЮЧ

Е. В. Борисов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. И. В. Берестов предложил ряд мысленных экспериментов, которые, по его мнению, обосновывают двойную онтологию, т. е. онтологическую концепцию, согласно которой движущийся объект существует не только во времени и пространстве, но и вне времени и пространства. В данной статье я показываю, что предложенное И. В. Берестовым обоснование двойной онтологии может быть использовано для обоснования мультионтологии любой сложности, однако оно содержит порочный круг, что лишает его эвристической значимости. Кроме того, я выявляю неоднозначность некоторых терминов, используемых И. В. Берестовым в описании его мысленных экспериментов, а также ряд неясностей в его онтологии проявлений.

Ключевые слова: существование во времени, существование вне времени, двойная онтология, мультионтология.

Для цитирования: Борисов, Е. В. (2023). Мультионтология под ключ. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 17-21. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.17-21

HOW TO PRODUCE A TURNKEY MULTIONTOLOGY

E. V. Borisov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. Igor V. Berestov suggested a number of thought experiments supposed to substantiate double ontology – the ontological view according to which a moving object exists both in time and space, and beyond time and space. In this article, I show that his argument in favor of double ontology can also be used in favor of multiontology of any complexity. However, this argument contains *circulus vitiosus*, which makes it heuristically vacuous. Besides, I show an ambiguity in Berestov's use of some expressions in his description of the thought experiments, and demonstrate that some aspects of his ontology of manifestations beg question.

Keywords: existence in time, existence beyond time, double ontology, multiontology.

For citation: Borisov, E. V. (2023). How to Produce a Turnkey Multiontology. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 17-21. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.17-21

В статье «Как Ахиллес с Гектором разминулся: затруднение в теории движения, разводящей прохождение открытого интервала и его замыкания» [Берестов, 2022a] И. В. Берестов предложил онтологическую концепцию, согласно которой движущийся объект существует 1) во времени и пространстве, 2) вне времени и пространства¹. По его

¹ В дальнейшем я игнорирую пространственный аспект этих модусов существования, т. е. ограничиваюсь различием существования во времени и существования вне времени.

мнению, это обусловлено спецификой открытых временных интервалов. В публикации «Все-таки они встретились» [Борисов, 2022] я попытался показать, что Берестов не представил достаточного основания для этой онтологической концепции (я буду называть ее двойной онтологией). Берестов ответил на эту критику в «Ответе оппонентам» [Берестов, 2022a], предложив ряд историй о демоне Бенацерафа (ДБ) – одном из мыслимых объектов, обсуждаемых в статье Бенацерафа «Tasks, Supertasks, and the Modern Eleatics» [Benacerraf, 2001]². Третья и четвертая из этих историй, по мнению Берестова, обосновывают двойную онтологию, потому что если считать, что ДБ существует *только* в пространстве и времени, эти истории невозможно понять. Моя цель в этой статье имеет полемический характер: я попытаюсь показать, что представленное Берестовым обоснование двойной онтологии содержит порочный круг, что лишает его эвристической значимости. Кроме того, я покажу, что в четвертой истории Берестова о ДБ имеет место существенная неоднозначность в употреблении некоторых терминов, а также укажу на ряд неясностей в онтологии проявлений на временных интервалах, которую он использует.

Особенность ДБ состоит в том, что он существует на открытом справа временном интервале $[0, 1)$ ³. В четвертой истории Берестова ДБ в течение своей жизни определяет десятичное выражение числа π по следующему расписанию: в момент 0 он знает только цифру перед запятой; в момент $1/2$ он узнает первую цифру после запятой, в момент $3/4$ – вторую, и т. д. Он намерен, узнав весь (бесконечный) ряд цифр десятичного выражения π , передать этот ряд второму демону (ДБ2). Очевидно, не существует момента времени, когда ДБ передаст это сообщение. В самом деле, для любого момента времени t справедливо, что $t < 1$ или $t \geq 1$. Если $t < 1$, то ДБ еще не знает весь этот ряд; если $t \geq 1$, то ДБ уже не существует во времени; в обоих случаях он не может передать значение π в t . Вместе с тем в этой истории постулируется, что ДБ свое сообщение передаст. Таким образом, суть истории сводится к двум тезисам:

- (1) ДБ не передаст ДБ2 свое сообщение в какой-либо момент времени.
- (2) ДБ передаст ДБ2 свое сообщение.

Из этих тезисов следует, что ДБ существует не только во времени, но и вне времени. Берестов делает следующий вывод: «Следовательно, у нас имеются достаточные основания для признания ДБ, удовлетворяющего указанному условию, существующим вне времени и пространства» [Берестов, 2022b, с. 83].

Мое возражение состоит в следующем: данная история не является *основанием* для признания двойной онтологии, т. к. двойная онтология является *предпосылкой* данной истории. Иначе говоря, если данную историю рассматривать как аргумент в пользу двойной онтологии, то этот аргумент содержит порочный круг. В самом деле: (2) приписывает

² В обсуждаемой статье Берестов высказал ряд возражений против моего понимания некоторых идей Бенацерафа [Benacerraf, 2001], связанных с понятием сверхзадачи Томсона [Thomson, 2001]. Возражения Берестова заслуживают отдельного обсуждения, и я планирую ответить на них в одном из ближайших выпусков журнала.

³ В историях Берестова о ДБ в качестве единицы времени используется секунда, т. е. речь идет об интервале $[0, 1)$ с). Я буду опускать «с».

ДБ некоторое свойство, но (1) отрицает, что ДБ может иметь это свойство во времени. Поэтому утверждать оба тезиса вместе можно *только* на основе двойной онтологии, но это значит, что аргумент Берестова в пользу двойной онтологии основан на ее использовании в качестве предпосылки.

Здесь важно отметить, что Берестов не приводит аргументов в пользу (2); он ограничивается следующим лаконичным пассажем: «Получит ли ДБ2 значение числа π от ДБ? Как кажется, получит» [Берестов, 2022b, с. 82]. Таким образом, тезис (2) в данной истории принимается без каких-либо оснований. У меня к этому пункту два комментария: 1) тому, кто не принимает двойную онтологию, не только *не кажется*, что ДБ2 получит от ДБ указанное сообщение, но даже *вполне очевидно, что этого не произойдет*; 2) если же (2) принять без оснований, то историю можно упростить. В самом деле, чтобы получить «обоснование» двойной онтологии, достаточно принять следующие два тезиса:

(3) В каждый момент своего существования во времени ДБ *не* является белым.

(4) ДБ является белым.

Понять эту историю невозможно без двойной онтологии. Более того, мы можем не ограничиваться *двойной* онтологией: такого рода истории можно использовать для «обоснования» *тройной* онтологии или *мультионтологии* любой (в том числе бесконечной) этажности. Вот, например, история, которая убедительно обосновывает тройную онтологию: 1) в каждый момент своего существования во времени ДБ не является ни белым, ни серым; 2) в некотором модусе существования ДБ является белым; 3) в некотором модусе существования ДБ является серым; 4) в каждом модусе существования ДБ либо не бел, либо не сер.

Таким образом, если тезисы типа (2) принимать без оснований, то можно «обосновать» любую мультионтологию, однако во всех историях такого рода обосновываемая мультионтология используется как посылка, т. е. все истории такого рода содержат круг. Это делает сомнительной эвристическую значимость такого рода «обоснований»: я не могу вообразить проблему, для решения которой такого рода мультионтология могла бы быть полезной.

В третьей истории Берестова о ДБ имеет место аналогичный круг. Если отбросить нерелевантные подробности, то история сводится к следующему: ДБ имеет некое мнение, но не имеет его в своем временном существовании. Или еще короче: «ДБ вневременно-имеет некое мнение».

В описании четвертой истории у Берестова имеет место неоднозначность понятия передачи сообщения. В самом деле, в (1) глагол «передать» означает четырехместное отношение – отношение между ДБ, ДБ2, сигналом и моментом времени, но в (2) он означает трехместное отношение – отношение между ДБ, ДБ2 и сигналом. Таким образом, глагол «передать» используется сначала как четырехместный предикат, затем как трехместный. Чтобы устранить эту неоднозначность, давайте использовать четырехместный предикат «передавать-во-времени» и трехместный предикат «передавать-вне-времени». Тогда (2) будет выглядеть так: «ДБ передает-вне-времени ДБ2 свое сообщение». Эта редакция (2) делает очевидным круговой характер предложенного Берестовым «обоснования» двойной

онтологии: чтобы что-то сделать вне времени, нужно как минимум вне времени существовать. Аналогичным образом в (3) прилагательное «белый» означает двухместное отношение между объектом и моментом времени (белый-во-времени), тогда как в (4) оно означает одноместное отношение, т. е. свойство быть белым-вне-времени. И опять же, если отредактировать (4), устранив указанную неоднозначность, круговой характер аргумента становится очевидным.

Представленные возражения можно резюмировать следующим образом. В изложении четвертой истории про ДБ у Берестова имеет место неоднозначность в использовании слова «передать». Устранение этой неоднозначности делает очевидным круговой характер «обоснования» двойной онтологии. Круговой характер этого «обоснования» лишает его эвристической значимости.

Изложив эти возражения, я должен оговорить, что не вполне понимаю онтологию проявлений объекта на интервалах времени, которую использует Берестов и которую он лаконично излагает в разделе 1.1 обсуждаемой статьи [Берестов, 2022b, с. 77]. В частности, он рассматривает ДБ как «мереологическую сумму» его проявлений на временных интервалах вида $[0, t)$ или $[0, t]$, где $0 \leq t \leq 1^4$. При этом проявление ДБ на некотором интервале он определяет как синглетон, т. е. множество, содержащее один элемент. Неясность здесь состоит в том, что автор 1) не оговаривает, какой именно элемент содержится в проявлении ДБ на том или ином интервале; 2) не определяет операцию мереологического сложения на множествах. По этой причине остается неясно: 1) как из отдельных проявлений складывается целый объект, 2) каковы истинностные условия утверждений, приписывающих свойства целому объекту или его отдельным проявлениям. Например, если ДБ является белым на интервале $[0; 0,1]$ и серым на интервале $(0,1; 0,2]$, то можно ли ему приписать какой-то цвет на интервале $[0; 0,2]$.

Кроме того, в первой истории о ДБ тезис (Н1.3) приписывает проявлению ДБ на интервале $[0, 1)$ свойство «пройти пространственный интервал $[0 м, 1 м)$ » [Берестов, 2022b, с. 77-78]. Но проявление ДБ на любом интервале – это синглетон, т. е. некоторое множество, следовательно, тезис (Н1.3) приписывает множеству способность перемещаться в пространстве. Эта идея мне представляется контр-интуитивной, поэтому ее использование в мысленных экспериментах требует дополнительной экспликации.

Список литературы / References

Берестов, И. В. (2022a). Как Ахиллес с Гектором разминулся: затруднение в теории движения, разводящей прохождение открытого интервала и его замыкания. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 4. С. 5-27. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.5-27

⁴ Эти интервалы образуют множество, которое автор обозначает как $S_{[0 с, 1 с]}$. Определяя это множество, Берестов говорит, что его элементы – это интервалы, начинающиеся с 1 с включительно [Берестов, 2022b, с. 77]. Очевидно, это опечатка; в личной коммуникации автор подтвердил, что имел в виду интервалы, начинающиеся с 0 с.

Berestov, I. V. (2022a). How Achilles and Hector Missed Each Other: A Difficulty in the Theory of Motion That Distinguish the Passage of an Open Interval and the Passage of its Closure. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 4. pp. 5-27. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.5-27 (In Russ.)

Берестов, И. В. (2022b). Ответ оппонентам. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 4. С. 75-98. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.75-98

Berestov, I. V. (2022b). A Reply to the Critics. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 4. pp. 75-98. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.75-98 (In Russ.)

Борисов, Е. В. (2022). Все-таки они встретились. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 4. С. 28-32. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.28-32

Borisov, E. V. (2022). And Yet They Met. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 4. pp. 28-32. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.28-32 (In Russ.)

Benacerraf, P. (2001). Tasks, Supertasks, and the Modern Eleatics. In Salmon, W. C. (ed.). *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis. Hacklett. pp. 103-129. (Originally published in 1962).

Thomson, J. (2001). Tasks and Super-Tasks. In Salmon, W. C. (ed.). *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis. Hacklett. pp. 89-102 (Originally published in 1954).

Сведения об авторе / Information about the author

Борисов Евгений Васильевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023

После доработки: 07.06.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

Borisov Evgeny – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>.

The paper was submitted: 15.05.2023

Received after reworking: 07.06.2023

Accepted for publication: 15.06.2023

УДК 1(091)

**ПОДХОДЫ В ВОСПРИЯТИИ ХАРАКТЕРА АРИСТОТЕЛЯ
В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

О. С. Егорова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
oksana12egorova@gmail.com

Аннотация. В статье проводится обзор разножанровых текстов русской интеллектуальной литературы второй половины XVIII – начала XX вв., содержащих сведения о характере Аристотеля. Выделяются основные направления восприятия характера античного философа в русской культуре, их особенности и источниковая база. Сделан вывод о связи преобладающих в литературе XVIII в. представлений об Аристотеле как о благочестивом человеке с ценностями отечественной культуры данного периода. Последующая литературная традиция работала непосредственно с историческими и псевдоисторическими свидетельствами. Приблизительно до середины XIX в. из них заимствовались интересующие факты, на основе которых строились представления о характере Аристотеля. С середины XIX в. в русской литературе начинает проследиваться критика исторических свидетельств, а также попытки реконструкции характера Аристотеля на основании содержания его трудов и завещания. Делается вывод о том, что русской литературе в целом присуще восприятие преимущественно положительных черт в характере Аристотеля.

Ключевые слова: русский Аристотель, русская философия, Аристотель, античная философия, характер.

Для цитирования: Егорова, О. С. (2023). Подходы в восприятии характера Аристотеля в русской интеллектуальной литературе (вторая половина XVIII – начало XX вв.). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 22-34. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.22-34

**APPROACHES TO THE PERCEPTION OF ARISTOTLE'S CHARACTER
IN RUSSIAN INTELLECTUAL LITERATURE
(SECOND HALF OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

O. S. Egorova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
oksana12egorova@gmail.com

Abstract. The article provides a review of different genres' texts, belong to the Russian intellectual literature of the late 18th – early 20th centuries, containing some information about the Aristotle's character. The main directions of the ancient philosopher's character perception in Russian culture are singled out in the article, as well as their features and source base. The conclusion is made that the Aristotle's representation as a pious person prevailing in the literature of the 18th century are contingent on the values of the Russian culture of this period. The subsequent literary tradition has worked directly with historical and pseudo-historical evidence, until the middle of the 19th century. Just some “interesting facts” were borrowed from these evidence, and on this basis were built popular opinions about the character of Aristotle. From the mid 19th century Russian literature, the criticism of historical evidence begins to be traced, as well as attempts to reconstruct the character of Aristotle based on the content of his works and testament. It is concluded that Russian literature as a whole is characterized by the perception of predominantly positive traits of Aristotle's character.

Keywords: russian Aristotle, russian philosophy, Aristotle, ancient philosophy, character.

For citation: Egorova, O. S. (2023). Approaches to the Perception of Aristotle's Character in Russian Intellectual Literature (Second half of the 18th – early 20th centuries). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 22-34. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.22-34

В каждой культуре существуют сложившиеся *представления* о характерах тех или иных исторических личностей. Их формирование и трансформация обусловлены целым комплексом различных культурно-исторических факторов: от национального менталитета до конкретных событий в материальной или духовной сферах жизни общества. Изучение особенностей восприятия характеров известных деятелей в русской культуре, в частности Аристотеля как одного из крупнейших представителей философской и научной мысли, помимо решения непосредственных задач историко-философского исследования в некоторой степени включает в себе и задачу этическую. А именно исследование восприятия характера Аристотеля в интеллектуальной литературе второй половины XVIII – начала XX вв. позволяет выявить устойчивые модели представлений о личности философа. Данные модели зачастую содержат не только описания черт характера Аристотеля, но и аргументированные мнения самих авторов относительно того, почему философу приписывается соответствующая черта характера (расхождения во мнениях возможны ввиду отсутствия надежных исторических источников). И здесь выявляются различные шаблоны представлений о характере Аристотеля: от «образцового», когда философ представлен в качестве морального и нравственного образца для подражания, до абсолютно противоположного – «несовершенного», когда характер мыслителя наделяется отрицательными чертами для наглядного предостережения читающей публики. Это позволяет сделать выводы о том, какими чертами характера коллективная память наделяла философов, и в частности Аристотеля. Кроме того, выявление подобных моделей не только показывает исторические представления о конкретных персоналиях, но оно также дает возможность определить смысловые коннотации, которыми наделялись отдельные черты характера в русской культуре исследуемого периода.

Исторически о характере Аристотеля мы можем судить, основываясь преимущественно на скурых свидетельствах Диогена Лаэртского и Элиана, а также анализируя биографические факты из некоторых других источников и наследие самого философа. А. Ф. Лосев кратко характеризует сообщения античных авторов, делая вывод, что в молодости Аристотель мог обладать некоторой развязностью и щегольством, а в зрелые годы быть тщеславным [Лосев, Тахо-Годи, 1993, с. 190-191]. Что касается русской интеллектуальной литературы второй половины XVIII – начала XX вв., то упоминания о характере Аристотеля здесь относительно редки и весьма фрагментарны. Однако в них отчетливо прослеживаются несколько различных подходов, каждый из которых обусловлен культурным контекстом изучаемой эпохи, имеет свои специфические особенности и исторические корни.

Первый из выделенных нами подходов к реконструкции восприятия характера Аристотеля имеет глубокие корни в русской культуре. Речь идет о восприятии философа не только как интеллектуально одаренной личности, но и одновременно как добродетельного, высоконравственного человека, ведущего благочестивую жизнь.

Подобные суждения о философах (и об Аристотеле в их числе) существовали на Руси на протяжении веков [Громов, 2010, с. 4-5, 8; Чумакова, 2005, с. 61]. Устойчивое восприятие Аристотеля (как на Руси, так и в изучаемый период) как учителя Александра Македонского также наложило отпечаток на данную традицию. Так, в литературе Аристотеля воспринимали не просто как человека, *подающего пример* благочестивой жизни, но и *обучающего* данному образу жизни своих учеников, и в первую очередь царя Александра. Данное восприятие во многом способствовало формированию представлений о соответствующих чертах характера философа. Проследим эту особенность на конкретных примерах.

Наиболее полный облик благочестивого Аристотеля представлен в повести Д. И. Фонвизина «Каллистен» (1786 г.) [Фонвизин, 1959, с. 28-39]. Здесь философу приписываются такие черты характера, как *честность* и *прямота*: он всегда и всем говорит правду, избегает любых проявлений и воздействий лести и лицемерия. По мнению Фонвизина, для философа (не только Аристотеля, а вообще) *следование истине*, даже перед лицом страданий и смерти, является благородным стремлением. Идеал жизни таких людей автор сводит к порицанию злых дел и восхвалению добрых. Данными качествами в повести в полной мере наделен не только Аристотель, но и его ученик Каллистен.

От древнерусской традиции здесь сохраняются лишь общие представления об Аристотеле как о человеке, ведущем благочестивый образ жизни. Рассмотренные нами частности, на которых Д. И. Фонвизин делает акцент, имеют отношение уже сугубо к эпохе российского Просвещения и социально-политическим взглядам самого автора. Повесть Фонвизина – весьма злободневное произведение, где, осуждая тотальное подхалимство, лесть и ложь при дворе Екатерины II, автор в лице Каллистена создает портрет идеального государственного деятеля, ведущего подобающий образ жизни и избегающего данных пороков. Исторический Каллистен, казненный Александром за откровенность в разговоре с государем, прекрасно подходил на эту роль. Аристотель выступает в произведении в качестве второстепенного персонажа, однако автор и на него распространяет качества, приписываемые Каллистену, фиксируя их преемственность от учителя к ученику. Можно сказать, что в повести стремление Аристотеля к «божественной истине» [Сковорода, 1973, с. 211-212] сменяется иной истиной, не менее благородной, но более практической.

Также в русской литературе встречаются отдельные упоминания о возвышенных моральных принципах Аристотеля, широте его нравственного кругозора [Трубецкой, 1908, с. 55]. Сообщается, что добродетели и правила благочестивой жизни, которыми обладал философ, были переданы Александру Македонскому, что способствовало формированию личности царственного ученика [Курганов, 1818, с. 336; Гогоцкий, 1857, с. 57], однако полученное воспитание не уберегло Александра от таких пороков как славолубие и страсть к завоеваниям [Нечаев, 1835, с. 53]. В изучаемый период подобные представления являются наиболее ярким примером модели, согласно которой философ воспринимался в качестве образца духовно возвышенного и нравственного человека.

Перечисленные отголоски древнерусской традиции представлений о характере Аристотеля редки в исследуемый период и заметно уступают место иному подходу. Зачастую русская интеллектуальная литература XVIII – начала XX вв. в описании характера Аристотеля опирается на тексты исторических и псевдоисторических свидетельств. Здесь нет

такого единообразия мнений, как в вышеописанном подходе. Если в XVIII – начале XIX вв. подлинность сведений, выборочно заимствованных из трудов античных авторов (либо работ, к ним восходящим), не подвергалась сомнению (скорее, русские авторы зачастую интерпретировали факты в угоду собственным интересам), то приблизительно с середины XIX в. подход к интерпретации источников кардинально изменился. Отечественные авторы вслед за научными воззрениями своей эпохи не только начали подвергать критике ряд исторических свидетельств, но и предприняли попытки реконструкции черт характера Аристотеля, основываясь на анализе содержания трудов философа.

Так, философ-энциклопедист и ученый Г. Н. Теплов в своей работе «Знания, касающиеся вообще до философии» (1751 г.), ссылаясь на Диогена Лаэртского, пишет следующее о характере Аристотеля. Будучи большим интеллектуалом, Аристотель не поддавался влиянию славы, не стал «диким и необходимым человеком», но был «чист, приборен, поступок честных, добрый друг» [Теплов, 2010, с. 121]. Это не прямое цитирование «Жизнеописаний великих философов», а скорее авторские выводы из главы об Аристотеле, преимущественно из изречений, приписываемых Диогеном Аристотелю. Также Г. Н. Теплов упоминает и такие качества Аристотеля, как *остроумие* (в том числе благодаря которому философ впоследствии приобрел славу на научном поприще)¹ и юношеское *своеволие* (из-за которого Аристотель бросил обучение, когда жил у Проксена) [Теплов, 2010, с. 120, 122], уже не имеющие отношения к труду Диогена.

В одном из номеров первого в России детского журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1789 г.) содержится пересказ разговора Аристотеля с глупцом, также заимствованный из «Жизнеописаний великих философов». В современном переводе М. Гаспарова он звучит так: «Один болтун, сильно докучавший ему [Аристотелю] своим пустословием, спросил его: “Я тебя не утомил?” Аристотель ответил: “Нет, я не слушал» [Диоген Лаэртский, 2011, с. 194]. В XVIII в. переводе на русский язык данный пассаж передается немного иначе: «Болтун остановил философа на улице и начал рассказывать ему вздорные вещи, приговаривая: “Не чудно ли!”. “Это не так чудно, – сказал Философ, – как то, что человек, имеющий ноги, может стоять и слушать твое пустословие”» [Детское чтение для сердца и разума, 1789, с. 63]. В данном случае нам важна не разница переводов, а интерпретация последнего текста. Из него можно заключить, что в XVIII в. Аристотеля представляли как человека, *не терпящего пустословие* и праздные разговоры, *правдиво и прямо высказывающего* собеседнику свои суждения, не беспокоясь о том, как их воспримут. В одной из сказок (1817 г.) русского баснописца и романиста А. Е. Измайлова Аристотель также упоминается как человек, который даже в шутку не любил лгать [Измайлов, 1817, с. 38]. Учитывая контекст сказки, по всей видимости, данная отсылка восходит к изречению Аристотеля о лжи, которое приводит Диоген Лаэртский: «... на вопрос, какой прок людям лгать, он [Аристотель] ответил: “Тот, что им не поверят, даже когда они скажут правду”» [Диоген Лаэртский, 2011, с. 192]. Основываясь на данных свидетельствах, можно заключить, что собирательно по своему характеру Аристотель представлен здесь неким спокойным, рассудительным человеком, обдумывающим свои слова, говорящим только правду и всегда

¹ Под «остроумием» в данном случае имеется в виду изобретательность и острота ума Аристотеля, а не его способность шутить.

произносящим то, что действительно думает. Примечательно, что оба упомянутых текста имеют дидактическую направленность. Это отражено в выборке «исторических фактов» о философе и сугубо положительном описании его характера. Нельзя утверждать, что перечисленные особенности отражают черты характера исторического Аристотеля, тем более что мы не имеем подтверждающих это подлинных исторических свидетельств. Вероятнее всего, здесь выражены уже позднейшие представления, основанные на базе сформировавшихся взглядов об Аристотеле преимущественно как о философе-ученом.

Обратимся теперь к очерку «Аристотель» [Аристотель, 1785, с. 231-247], опубликованному в журнале «Утренний свет» (1777 г.). Он представляет собой анонимный перевод на русский язык главы об Аристотеле из «Жизнеописаний великих философов» Диогена Лаэртского. Сравним описание характера философа, представленное в переводе XVIII в., с переводом «Жизнеописаний», сделанным М. Л. Гаспаровым (1979 г.). В современном переводе мы не находим прямых свидетельств о характере Аристотеля и можем судить о нем, лишь анализируя завещание и изречения, приписываемые философу. Однако в русском переводе XVIII в. (по всей вероятности, сделанном с работы французского ученого Жюль Менажа «Diogenes Laertius», 1663 г.) содержатся некоторые интересные характеристики. Так, философу, со ссылкой на других античных авторов, приписаны «суеславие» и «легкомыслие раздорщика» [Аристотель, 1785, с. 237]. Сравнение текстов показало, что это вызвано неточностью перевода, но подобные искажения изначального смысла передаваемого текста вполне могли влиять на формирование представлений о характере Аристотеля в русской культуре.

За исключением очерка из «Утреннего света», вышеприведенные примеры из русской литературы XVIII – начала XIX вв. фиксируют лишь положительные черты характера Аристотеля. Однако в XVIII в., как отмечено в начале раздела, не все авторы разделяли подобное мнение. В русской интеллектуальной литературе встречаются иные трактовки исторических и псевдоисторических свидетельств, акцентирующих внимание на отрицательных чертах характера Аристотеля.

Ярким примером подобных воззрений может служить творчество И. А. Крылова. Особый интерес для нашего исследования представляет письмо XL «От Эмпедокла к волшебнику Маликульмульку» [Крылов, 1945, с. 221-229] из «Почты духов» (1789 г.). В этом письме дух философа Эмпедокла, который посмертно предпочел тщеславию тихую жизнь за чтением хороших книг, рассуждает о пороках человеческой природы. Его устами И. А. Крылов показывает читателю недостатки в характерах и поступках известных людей – Аристотеля, Лейбница и Декарта, чтобы наглядно продемонстрировать отрицательные черты всех людей вообще. Нас интересуют те особенности характера или «природные свойства», которыми Крылов наделяет Аристотеля, а также их конкретные проявления в поступках философа. Разбирая их, попутно обратимся к историческим свидетельствам, послужившим основой для формирования подобных представлений.

Рассмотрим вышеобозначенное письмо из «Почты духов». В числе недостатков Аристотеля И. А. Крылов называет следующие: *любовь к богатству, тщеславие и неблагодарность* [Крылов, 1945, с. 223-224]. По его мнению, философ не меньше других людей любил богатство и, более того, называл его «совершенным благом» [Крылов, 1945, с. 223]. Данное утверждение Крылов строит, опираясь на текст «Разговоров в царстве

мертвых» Лукиана из Самосаты [Лукиан Самосатский, 2001, с. 385]. В этом источнике содержится следующий пассаж об Аристотеле, произнесенный Александром Македонским: «Мудрец? Он хуже всех льстецов! Позволь уж мне знать все, что касается Аристотеля, чего он требовал от меня, чему меня учил, как он злоупотреблял моей любовью к науке, лстя мне и восхваляя меня, то за красоту, которую он называл частью добра, то за мои деяния, то за богатство; он доказывал, что богатство – тоже благо, чтоб ему, таким образом, не было стыдно принимать подарки» [Лукиан Самосатский, 2001, с. 385]. Вслед за античным сатириком, И. А. Крылов делает акцент на том, что Аристотель использовал утверждение о богатстве как благе сугубо в корыстных целях – для получения от Александра всех необходимых финансовых средств [Крылов, 1945, с. 223].

Об аристотелевском тщеславии И. А. Крылов пишет следующее. По его мнению, прижизненная слава Аристотеля, как и пути, которыми она достигалась, были ложными. Тщеславие философа заключалось в том, что его взгляды были «вздорными», «нелепыми», «лживыми» [Крылов, 1945, с. 223] и предназначались преимущественно для того, чтобы вводить людей в заблуждение, тем самым прославляя самого себя. Проявление тщеславия Аристотеля Крылов находит и в «странной смерти» [Крылов, 1945, с. 186] философа. Здесь имеется в виду распространенная со времен Античности легенда о том, как якобы раздосадованный Аристотель бросился в воду и утонул, будучи не в состоянии понять природы приливов и отливов.

Неблагодарность Аристотеля (а отчасти и тщеславие), по мнению И. А. Крылова, наиболее ярко проявлялась в его отношениях с Платоном. Будучи обязанным учителю всеми своими знаниями, Аристотель не упускал ни одного случая, чтобы оскорбить личность или сочинения Платона [Крылов, 1945, с. 224]. Подобные воззрения о неблагодарности философа восходят к сомнительным мнениям позднеантичных авторов. Так, И. А. Крылов демонстрирует, что вопреки распространенным представлениям об известных личностях как о тех, кому присуще презрение к славе, мудрость и душевное спокойствие, в действительности они обладают многочисленными пороками [Крылов, 1945, с. 183, 186]. Данные представления, во многом обусловленные дидактической направленностью «Почты духов», являют собой пример модели «несовершенного» Аристотеля со всеми его пороками и недостатками. Примечательно, что среди всех вышеперечисленных авторов И. А. Крылов единственный, кто был самоучкой и не получил традиционного систематического образования. Если прочие авторы при описании характера Аристотеля так или иначе придерживаются суждений, находящихся в русле уже сформировавшейся русской традиции, то у И. А. Крылова эта связь отсутствует.

В первой половине XIX в. в русской интеллектуальной литературе меняется отношение к историческим свидетельствам об Аристотеле: факты, приводимые в античных текстах, используются более осторожно, а сомнительные данные зачастую замалчиваются. В этот период можно обнаружить зачатки смены «текстовой парадигмы», когда одни исторические свидетельства (наиболее устоявшиеся в культуре) подвергаются критике и предпочитают другим. Особенно эта тенденция проявляется в 1830-е гг. в статье С. Я. Нечаева, где отсутствуют какие-либо отсылки на свидетельства о характере и поступках Аристотеля,

приводимые нами выше, и намечаются попытки критики текстов античных авторов [Нечаев, 1835, с. 53]. Тем не менее, автор приписывает Аристотелю другой набор негативных качеств, таких как *честолюбие и своекорыстие* [Нечаев, 1835, с. 54].

В последующий период русские авторы активно критикуют исторические свидетельства. Вслед за научными доводами эпохи начинают меняться представления о достоверности тех или иных текстов и мнений, высказанных античными авторами, и, следовательно, правдивости приводимых в них биографических фактов об Аристотеле. Также в интеллектуальной литературе предпринимаются попытки реконструкции биографии философа и, в частности, черт его характера, опирающиеся на анализ наследия Аристотеля.

Так, ученый, философ и богослов С. С. Гогоцкий, исходя из известных фактов о жизни Аристотеля, а также на основании анализа завещания философа, оспаривает представления о *неблагодарности* Аристотеля по отношению к своим благодетелям. В частности, речь идет о взаимоотношениях Аристотеля с Проксеном и Платоном. Гогоцкий считает несправедливыми подобные *мнения* позднейших античных авторов и в качестве их опровержения опирается на *факты*, иногда содержащиеся в тех же сомнительных свидетельствах. Например, «неблагодарность» Аристотеля к Проксену Гогоцкий опровергает свидетельствами о том, что после смерти своего опекуна философ установил статую Проксену и его жене, усыновил их сына, выдал замуж за него свою дочь [Гогоцкий, 1857, с. 54]. По мнению С. С. Гогоцкого, человека, совершившего подобные поступки, нельзя назвать неблагодарным. Подобные преувеличенные приписки позднейших авторов, по мнению русского ученого, основаны на изначальном суждении Платона об Аристотеле как о человеке с «едким характером» и «суетной заботливостью о себе» [Гогоцкий, 1857, с. 54]. Гогоцкий не пишет этого напрямую, но можно заключить, что он наделяет Аристотеля такими чертами характера как *благодарность* и *признательность* людям, оказавшим ему благодеяния. Это качество характера проявляется и в поступке философа по отношению к своей малой родине. Стагиры, как известно, были восстановлены Филиппом Македонским по просьбе Аристотеля [Гогоцкий, 1857, с. 56].

Анализируя наследие философа, С. С. Гогоцкий также считает несостоятельными мнения о нем как о *спорщике*. Подобная черта характера Аристотеля, резко и порой нелюбезно критикующего учения Платона, Исократ и Ксенократа, известна из работ позднейших авторов. Однако, по мнению С. С. Гогоцкого, если обратиться непосредственно к трудам Аристотеля, мы найдем в них лишь сдержанную критику. Следовательно, подобные, отчасти негативные представления об Аристотеле как о спорщике не имеют оснований [Гогоцкий, 1857, с. 55].

Также для С. С. Гогоцкого Аристотель – человек, которому не были чужды настоящая *дружба* и *любовь*. Он пишет, что вопреки мнениям позднейших авторов (в частности, Тертуллиана) [Гогоцкий, 1857, с. 56]), Аристотель был искренне опечален смертью друга Гермия, о чем свидетельствуют гимны, сочиненные в его честь. А о любви к жене Пифиаде и, видимо, о счастливой семейной жизни свидетельствует пункт завещания, где Аристотель просит похоронить себя вместе с ней [Гогоцкий, 1857, с. 56]. Однако здесь есть некоторая

историческая неточность. Как известно, Аристотель не просил похоронить себя с умершей ранее его Пифиадой, а лишь распорядился, чтобы исполнили ее распоряжение: захоронить останки жены там, где будет похоронен он сам [Диоген Лаэртский, 2011, с. 192].

Философ, врач и историк медицины С. Г. Ковнер также критикует мнения позднеантичных авторов об Аристотеле. Однако у него практически отсутствуют непосредственные описания характера и поступков философа. Отметим лишь, что в контексте разъяснения термина «перипатетическая школа» Ковнер упоминает о «живости» [Ковнер, 1888, с. 32] характера Аристотеля, который не мог преподавать, стоя на месте во время занятий. Также, основываясь на стилистических особенностях содержания текста, отчасти отражающих личные взгляды автора (например: Аристотель просил восстановить разрушенные Стагиры; был «огорчен» смертью Каллисфена; навлек на себя политические подозрения, потому что был «иностранцем»; сбежал от судебного приговора из благородных побуждений, чтобы исключить повторного «преступления против философии» [Ковнер, 1888, с. 31-33]), складывается представление, что для С. Г. Ковнера Аристотель честный, благонравный человек, которому не чужды дружба и благодарность. Эти черты характера отчасти напоминают описанные ранее представления об Аристотеле как о благочестивом философе.

Еще один источник – статья об Аристотеле в первом издании известной русской универсальной энциклопедии «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» [Аристотель, 1890, с. 91-93]. Здесь негативные черты характера философа, такие как *насмешливость* и *язвительность* [Аристотель, 1890, с. 92], по мнению автора статьи, являются следствием нападков недоброжелателей, знавших Аристотеля при жизни. После смерти мыслителя они, завидуя его хорошим отношениям с Платоном, высоким положением при Македонском дворе, женитьбе на родственнице Гермия, а также личным качествам Аристотеля – ловкой, логичной, всегда остроумной речи [Аристотель, 1890, с. 92], всячески извращали посмертную память о философе. Вопреки подобным мнениям, обращаясь к сочинениям Аристотеля, автор описывает его как человека «с глубокой, искренней любовью к правде, ясным пониманием действительности» [Аристотель, 1890, с. 92].

Весьма схожие взгляды изложены в работе философа С. Н. Трубецкого. Он также считал, что многочисленные рассказы о характере Аристотеля, в частности, о его *неблагодарности*, передаваемые античными писателями, являются следствием вражды позднейших философских школ [Трубецкой, 1908, с. 53, 55]. Опираясь на труды Аристотеля, С. Н. Трубецкой преимущественно описывает его профессиональные качества как ученого. Однако здесь можно выделить черты, отчасти свидетельствующие и о характере философа, как его представлял себе С. Н. Трубецкой: «широкий нравственный кругозор», жизнь исключительно «умственным трудом», «понимание дружбы», «возвышенный взгляд на все лучшие чувства в человеке». Также, опираясь на стилистические особенности трудов Аристотеля, «блещущих остроумием», Трубецкой приходит к выводу о справедливости упреков философа в *насмешливости* [Трубецкой, 1908, с. 55-56].

Описание характера Аристотеля также присутствует в работе Е. Ф. Литвиновой. Однако здесь философ отчасти представлен в образе некоего романтического героя: пылкого, честного, щедрого, ценящего дружбу и всегда воздающего должное окружающим. Даже

факты из жизни Аристотеля в некоторых случаях преподносятся так, словно сошли со страниц романа. Например, его женитьба на Пифиаде подана следующим образом: Аристотель из благородных побуждений женился на «беззащитной», «оставшейся без средств к существованию» сестре умершего друга, и их совместный побег «спас жизнь» девушке, избавив ее от «гнева персидского царя» [Литвинова, 1892, с. 15]. Первая часть описаний жизни и характера Аристотеля, приведенных в главе, написаны в подобном духе и преимущественно являются вольным авторским пересказом соответствующего раздела из работы «Жизнь Аристотеля» Дж. У. Блейкли («A life of Aristotle: including a critical discussion of some questions of literary history, connected with his works», 1839 г.). Аристотель-юноша представлен здесь *привыкшим много читать* (что было редкостью для того времени) и *обходительным* с людьми из разных сословий [Там же, с. 7-8]. Е. Ф. Литвинова неоднократно упоминает о «*крайней живости*» характера Аристотеля, его «*пылкости*» [Там же, с. 8], что проявлялось в несдержанности в еде (имеется в виду не неумеренность, а скорее изысканность в выборе блюд) и одежде, интересе к женщинам, прогулкам во время проведения занятий [Там же, с. 12, 17]. Именно подобный свободный образ жизни Аристотеля, не вполне соответствующий представлениям современников Стагирита об образе жизни истинного философа, по мнению Литвиновой, и стал основанием для позднейшей клеветы [Там же, с. 12]. Также отмечается, что вопреки распространенному стереотипу, Аристотель *вовсе не был безучастен к действительности*, он «умел глубоко и сильно чувствовать» [Там же, с. 15]. Философ *ценил дружбу*, был искренне привязан к Проксену, Филиппу, Платону, Гермия, Пифиаде, память которых чтит [Там же, с. 8, 14, 18]. Отличительной чертой характера Аристотеля Е. Ф. Литвинова называет «*сдержанную страстность*» [Там же, с. 10]. Она проявлялась, например, в том, что, несмотря на тягу к знаниям, Аристотель не позволил себе отправиться в Академию Платона, пока не перенял всю мудрость Проксена [Там же, с. 10]. Другой важной чертой характера Аристотеля является «*чувство меры*», присущее философу «*всегда и во всем*» [Там же, с. 16]. Аристотель поражал насмешками Исократ (т. е. был *насмешлив*). Однако, сглаживая негативный оттенок данного факта, Литвинова указывает, что Исократу было уже около 80 лет, и с ним, собственно, и «не стоило сражаться»; к тому же Аристотель полемизировал не столько с Исократом, сколько со всеми софистами в его лице [Там же, с. 13].

Во второй части своего описания Е. Ф. Литвинова делает попытку реконструкции характера Аристотеля, опираясь на содержание его завещания. Она повторно опровергает представления об Аристотеле как о человеке, «равнодушном ко всему житейскому, вззирающему с высоты своего величия на мелочи жизни». В противоположность этому, по мнению Литвиновой, философу были присущи *заботливость* о близких, *нежность*, *истинная привязанность*. Это отчасти проявлялось даже в отношениях к рабам, в которых Аристотель видел «тех же людей». «*Тесное общение с действительностью и внимательное отношение ко всему окружающему*» – ключевая черта, отличающая Аристотеля от других философов [Литвинова, 1892, с. 21]. По ее мнению, Аристотель прожил «честно, свободно и просто», он не совершил «никаких нравственных подвигов». Однако именно такой и должна быть жизнь человека, занимающегося умственным трудом [Там же, с. 22].

В заключение приведем еще один пример, содержащийся в автобиографической работе русского философа и литературоведа коми-зырянского происхождения К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» [Жаков, 1914]. Данное произведение представляет собой особое явление в русской интеллектуальной литературе, его содержание полно символизма, а повествование практически превращено в сказку. Касаясь ключевых моментов автобиографии, автор отправляет своего героя в необычное путешествие сквозь время. Общаясь с тенями великих мудрецов (в том числе Аристотеля), герой ищет ответы на волнующие его вопросы о смысле жизни. Примечательно, что здесь содержится описание внешнего вида и отчасти характера Аристотеля. В автобиографии философ представлен *насмешливым* и *самолюбивым* человеком. В его образе величественно все – мантия, взгляд, речь. О самолюбии дополнительно свидетельствует неоднократное, намеренное самоцитирование [Жаков, 1914, с. 72, 75]. Подобное представление о характере Аристотеля, на наш взгляд, является стереотипным для описываемой эпохи.

Таким образом, за относительно короткий исторический период (со второй половины XVIII до начала XX вв.) в русской интеллектуальной литературе прослеживается несколько подходов в описании характера Аристотеля. Восприятие философа как некоего благочестивого человека, ведущего соответствующий образ жизни и обучающего ему окружающих, имеет корни в русской культуре. Преимущественно подобные взгляды были распространены в литературе XVIII в. Самым ярким примером служит повесть Д. И. Фонвизина «Каллистен». Однако значительно чаще в изучаемый период русские авторы обращались напрямую к историческим и псевдоисторическим свидетельствам (либо работам, их содержащим). Приблизительно до середины XIX в. происходило заимствование фактов, на основе которых строились представления о характере Аристотеля. Чаще описывались положительные черты, и лишь в исключительных случаях характеру философа приписывались негативные аспекты. Последнее наиболее ярко прослеживается в творчестве И. А. Крылова. С середины XIX в. подход к восприятию источников меняется: вслед за зарубежными коллегами исторические свидетельства активно критикуются русскими авторами, а также предпринимаются попытки реконструкции характера Аристотеля, основываясь на содержании его трудов и завещания. Это способствовало переоценке некоторых суждений об Аристотеле (в частности, о неблагодарности философа) и расширению набора представлений о его характере (например, появляются представления о проявлении в поступках философа чувств дружбы и любви). Но, как и ранее, в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв. зачастую описываются преимущественно положительные черты характера Аристотеля.

Список литературы / References

Аристотель. (1785). *Утренний свет*. Ч. V. 2-е изд. М. С. 231-247.

Aristotle. (1785). *Morning light*. Pt. V. 2nd ed. Moscow. pp. 231-247. (In Russ.)

Аристотель. (1890). *Энциклопедический словарь*. Т. II. Араго–Аутка. Ред. И. Е. Андреевский. СПб. С. 91-93.

Aristotle. (1890). *Encyclopedic Dictionary. Vol. II. Arago–Autka*. Andreevsky, I. E. (ed.). St. Petersburg, pp. 91-93. (In Russ.)

Гогоцкий, С. С. (1857). Аристотель. *Журнал министерства народного просвещения*. Ч. ХСVI. Отд. V. С. 53-84.

Gogotsky, S. S. (1857). Aristotle. *Journal of the Ministry of National Education*. Pt. ХСVI. sec. V. pp. 53-84. (In Russ.)

Громов, М. Н. (2010). *Образы философов в Древней Руси*. М.

Gromov, M. N. (2010). *The Images of Philosophers in Old Russia*. Moscow. (In Russ.)

Детское чтение для сердца и разума. (1789). Ч. XIX. М.

Children's Reading for Heart and Mind. (1789). Pt. XIX. Moscow. (In Russ.)

Диоген Лаэртский. (2011). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспарова. М.

Diogenes Laertius. (2011). *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*. Gasparov, M. L. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Жаков, К. Ф. (1914). *Сквозь строй жизни*. Ч. 3. Вып. I. СПб.

Zhakov, K. F. (1914). *Through the fabric of life*. Pt. 3. Iss. I. St. Petersburg. (In Russ.)

Измайлов, А. Е. (1817). *Новые басни и сказки*. СПб.

Izmailov, A. E. (1817). *New fables and fairy tales*. St. Petersburg. (In Russ.)

Ковнер, С. Г. (1888). *Очерки истории медицины*. Вып. 3. Платон. Киев. С. 28-129.

Kovner, S. G. (1888). *Essays on the history of medicine*. Iss. 3. Plato. Kyiv. pp. 28-129. (In Russ.)

Крылов, И. А. (1945). Почта духов. *Крылов И. А. Полное собрание сочинений*. Т. 1. М. С. 11-280.

Krylov, I. A. (1945). Spirit mail. *Krylov I. A. Full composition of writings*. Vol. 1. Moscow. pp. 11-280. (In Russ.)

Курганов, Н. Г. (1818). *Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия*. Ч. 1. 9-е изд. СПб.

Kurganov, N. G. (1818). *A letter book containing the science of the Russian language with many additions of various educational and usefully amusing verbiage*. Pt. 1. 9th ed. St. Petersburg. (In Russ.)

Литвинова, Е. Ф. (1892). *Аристотель, его жизнь, научная и философская деятельность*. СПб.

Litvinova, E. F. (1892). *Aristotle, his life, scientific and philosophical activity*. St. Petersburg. (In Russ.)

Лосев, А. Ф., Тахо-Годи, А. А. (1993). Аристотель. Лосев А. Ф. Платон. Аристотель. М. С. 177-366.

Losev, A. F., Takho-Godi, A. A. (1993). Aristotle. Losev A. F. Plato. Aristotle. Moscow. pp. 177-366. (In Russ.)

Лукиан Самосатский. (2001). *Сочинения*. В 2 т. Т. 1. Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб.

Lucian of Samosata. (2001). *Works*. In 2 vols. Vol. 1. Zaitsev, A. I. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Нечаев, С. Я. (1835). Аристотель. *Энциклопедический лексикон*. Т. 3: АРА–АФО. СПб. С. 52-54.

Nechaev, S. Ya. (1835). Aristotle. *Encyclopedic lexicon*. Vol. 3. ARA–AFO. St. Petersburg. pp. 52-54. (In Russ.)

Сковорода, Г. С. (1973). *Сочинения в двух томах*. Т. 2. М.

Skovoroda, G. S. (1973). *Works in two volumes*. Vol. 2. Moscow. (In Russ.)

Теплов, Г. Н. (2010). Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. *Общественная мысль России XVIII века*. В 2-х т. Т. 2. М. С. 51-163.

Teplov, G. N. (2010). Knowledge relating to philosophy in general for the benefit of those who cannot read foreign books about this matter. *Social Thought in Russia in the 18th Century*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow. pp. 51-163. (In Russ.)

Трубецкой, С. Н. (1908). *История древней философии*. Ч. 2. М.

Trubetskoy, S. N. (1908). *History of ancient philosophy*. Pt. 2. Moscow. (In Russ.)

Фонвизин, Д. И. (1959). Каллисфен. Фонвизин Д. И. *Собрание сочинений в двух томах*. Т. 2. М. С. 28-39.

Fonvizin, D. I. (1959). Callisthenes. *Fonvizin D. I. Collected works in two volumes*. Vol. 2. Moscow. pp. 28-39. (In Russ.)

Чумакова, Т. В. (2005). Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. *Человек*. № 2. С. 58-69.

Chumakova, T. V. (2005). Receptions of Aristotle in Ancient Russian Culture. *Chelovek / Human*. no. 2. pp. 58-69. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Егорова Оксана Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: oksana12egorova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5213-5589>

Статья поступила в редакцию: 12.05.2023

После доработки: 09.06.2023

Принята к публикации: 20.06.2023

Egorova Oksana – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str. 8, e-mail: oksana12egorova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5213-5589>

The paper was submitted: 12.05.2023

Received after reworking: 09.06.2023

Accepted for publication: 20.06.2023

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.6 + 316.4

СОХРАННОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ

М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
marika24@yandex.ru

Аннотация. Данная статья является первой в цикле работ авторов о факторах, детерминирующих сохранение демографического потенциала регионами России. Сделана попытка выполнения сравнительного анализа динамики естественного прироста населения по регионам России с 2002 по 2022 гг. и их группировки по результатам оценки динамики. В итоге была выявлена группа регионов, сохранивших положительный естественный прирост населения. Факторы, обусловившие данную тенденцию, требуют дополнительного рассмотрения как относительно этнокультурной специфики формирования жизненного цикла молодежи, устойчивых ценностей, поддерживающих семью и рождение детей, и миграционного притока, так и социально-экономических мер, принимаемых на региональном уровне.

Ключевые слова: естественный прирост населения, динамика численности населения, демографический потенциал, регионы России, факторы и детерминанты, этнокультурные ценности.

Для цитирования: Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С. (2023). Сохранность демографического потенциала регионов России. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 35-47. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.35-47

PRESERVATION OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS

M. A. Abramova, G. S. Goncharova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
marika24@yandex.ru

Abstract. This article is the first in a series of works by the authors on the factors determining the preservation of demographic potential by the regions of Russia. An attempt is made to perform a comparative analysis of the dynamics of natural population growth in the regions of Russia from 2002 to 2022 and their groupings based on the results of the dynamics assessment. As a result, a group of regions was identified that retained positive natural population growth. The factors that caused this trend require additional consideration both regarding the ethno-cultural specifics of the formation of the life cycle by young people, sustainable values that support families and the birth of children and migration influx, and socio-economic measures taken at the regional level.

Keywords: natural population growth, population dynamics, demographic potential, regions of Russia, factors and determinants.

For citation: Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2023). Preservation of the Demographic Potential of Russian Regions. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 35-47. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.35-47

Введение. Составление долгосрочных прогнозов динамики численности населения страны представляет собой достаточно трудную задачу, решение которой требует учета множества факторов. Наибольшей величины население России достигло к началу 1993 г., составив почти 148,6 млн человек, после чего впервые с момента окончания Великой Отечественной войны была зарегистрирована убыль населения. И если в 1994 г. был зафиксирован небольшой рост, то затем убыль стала устойчивой до 2009 г. (численность снизилась на 5,8 млн человек, или на 3,9 % стала меньше, чем на начало 1993 г.) [Щербакова, 2023в]. За период с 2009 по 2017 г. число россиян (без учета проживающих в Крыму) увеличилось на 1,8 млн. человек (на 1,3 %) и примерно стало соответствовать уровню середины 1986 г. [Щербакова, 2023в]. Но с 2016 г. начинается рост естественной убыли населения, причем достаточно резко – с 2 тыс. в 2016 г. до 316 тыс. в 2019 г. Отрицательная динамика чаще всего объяснялась тем, что в репродуктивный возраст вошли дети 1990-х гг. рождения. Данный период называют «демографической ямой». Вместе с тем к предпосылкам для сокращения рождаемости кроме влияния «демографической ямы» можно отнести: изменения структурных характеристик населения, в частности половозрастных, семейно-брачных, социально-экономических, образовательных, этнических, состояние здоровья населения, социально-политические причины. Отметим, что данные об отрицательной динамике естественного прироста населения воспринимались как серьезная угроза устойчивому развитию страны [Демографические вызовы России, 2017] еще до пандемии COVID-19 и начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. Осмысление последствий последних событий и их влияния на демографическую ситуацию в России еще предстоит оценить. Но как отмечает Е. М. Щербакова, «по данным оперативного учета за январь-декабрь 2022 года население России сократилось еще на 565 тысяч человек (-560 тысяч человек без учета Крыма). В результате его численность на начало 2023 года составила, без учета итогов ВПН-2020, 145,0 миллиона человек, в том числе 142,6 миллиона человек без учета Крыма, что примерно соответствует значениям 2009 и 1985 годов. ... Интенсивность убыли населения России в 2020–2022 годы усилилась до 0,4 % в год, приблизившись к уровню убыли населения в 1999–2003 годов» [Щербакова, 2023в].

Кроме структурных характеристик, являющихся результатом накопления действий различных социальных процессов, среди факторов, оказывающих влияние на сокращение рождаемости, можно выделить природно-климатические, антропогенные условия проживания народов, изменение ценностных ориентаций у населения в сфере семейно-брачных отношений, связанных с вступлением в брак и рождением детей.

Таким образом, факторов, которые могут детерминировать ту или иную траекторию формирования численности населения страны, достаточно много. Именно это объясняет то, что прогноз численности населения России к 2100 г., сделанный демографами из ВШЭ, в результате предполагает «широкую вилку» от 67,4 млн. до 216,7 млн. человек [Юмагузин, Винник, 2023]. Рассматривая различные сценарии формирования численности населения России, авторы прогноза приходят к выводу, что «для предотвращения снижения численности населения в России в ближайшие годы потребуются значительные объемы миграционного прироста». Но даже при самых благоприятных сценариях рождаемости и смертности в России, а также высоких показателях миграции, ожидается снижение

численности населения страны [Российский статистический ежегодник, 2020; Предположительная численность ..., 2020]. Важно отметить, что миграционный прирост, на который надеются авторы прогноза, по данным Росстата сократился в 2022 г. на порядок, составив 61,9 тыс. человек [Оценка численности ..., 2023]. Как отмечает Е. М. Щербакова: «... он компенсировал заметно уменьшившуюся естественную убыль населения (-594,6 тысячи человек) всего на 10,4 %» [Щербакова, 2023г].

Необходимо учесть, что неблагоприятные демографические прогнозы характерны не только для России, но и для многих стран мира. Тенденции к старению населения и увеличению нагрузки на молодое и среднее поколение отмечены в известном докладе ООН [World Population Prospects, 2019; Щербакова, 2023а; Щербакова, 2023б]. Однако данный факт не снижает опасности для России, как страны, обладающей большими природными ресурсами и низкой плотностью населения, со временем стать все более привлекательной для территориальной экспансии со стороны других государств. Снижение воспроизводства населения, его качественных характеристик является одной из предпосылок к угрозе экономической и социально-культурной безопасности отдельного региона, страны в целом. И миграционные потоки в данном контексте являются не самым лучшим с точки зрения социокультурных характеристик (разница в культурных моделях поведения, ценностях, вероисповедании и пр.) выходом из ситуации.

В тоже время мы хотели бы отметить, что прогнозы относительно снижения численности населения России имеют обобщающий характер и не учитывают опыта отдельных регионов, в которых, несмотря на общую негативную картину, сохраняется тенденция к естественному приросту численности населения. Полагаем, что данные регионы требуют пристального внимания для изучения факторов, обусловивших в них сохранение демографического потенциала.

Постановка задач. В рамках нашего исследования было поставлено несколько задач. Первое – выполнение сравнительного анализа динамики естественного прироста населения по регионам России с 2002 по 2022 гг. Второе – выполнение группировки регионов по результатам оценки динамики.

Полученные выводы должны стать основой для качественного анализа факторов, обусловивших в них сохранение демографического потенциала, в том числе осуществляемых мер поддержки семьи. Но данная задача будет рассмотрена в следующих статьях.

Методика проведения исследования. Сравнительный анализ выполнен на основе данных о составе населения и динамике его характеристик, опубликованных Росстатом в демографических ежегодниках и Всероссийской переписи населения (2002, 2010, 2020 гг.).

Описание результатов. Общий анализ данных о естественном приросте населения по субъектам РФ показал, что положительная динамика сократилась с 39 субъектов в 2016 г. до 11 субъектов на май 2022 г. В таблице 1 приведены данные по 39 субъектам с 2016 по 2022 гг.. Анализ динамики был выполнен с 2002 г., но в таблицу были занесены только те данные, которые отражают тенденции последних лет. Представление остальных регионов, к 2016 г. уже имеющих стабильную отрицательную динамику, нам показалось излишним.

Таблица 1

Естественный прирост населения в субъектах РФ в 2016–2022 гг., ‰¹

Округ	№ п/п	Субъекты Российской Федерации	Годы						
			2016	2017	2018	2019	2020	2021	05.2022
Естественный прирост положительный за весь период									
СКФО	1	Чеченская Республика	16,6	17,4	16,3	16,0	13,7	12,6	13,9
КФО	2	Республика Ингушетия	13,0	13,1	13,2	13,4	12,5	11,1	10,7
СФО	3	Республика Тыва	13,4	13,2	11,4	10,3	10,8	10,3	8,8
СКФО	4	Республика Дагестан	12,3	11,3	10,8	10,0	8,8	7,4	6,7
УФО	5	Ямало-Ненецкий автономный округ	10,1	9,1	8,7	7,9	6,9	6,9	6,9
УФО	6	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	9,5	7,9	7,3	6,4	4,7	3,8	3,8
ДФО	7	Республика Саха (Якутия)	7,6	6,4	5,9	5,4	4,1	3,1	2,1
СЗФО	8	Ненецкий автономный округ	9,6	6,6	5,1	4,7	3,4	2,0	0,4
ДФО	9	Чукотский автономный округ	3,6	3,7	1,6	1,4	0,4	1,8	0,2
СКФО	10	Кабардино-Балкарская Республика	5,4	4,3	4,4	3,2	2,0	0,2	0,0
СФО	11	Республика Алтай	8,1	6,1	5,2	3,5	2,0	0,2	1,6
		В среднем по группе	9,9	9,0	8,2	7,5	6,3	5,4	5,0
Естественный прирост отрицательный с 2021 г.									
ДФО	12	Республика Бурятия	5,2	3,8	3,4	1,7	0,9	-0,5	-2,5
СКФО	13	Карачаево-Черкесская Республика	2,4	1,8	1,7	1,7	0,2	-2,3	-2,6
УФО	14	Тюменская область без автономий	4,5	3,5	2,8	2,1	0,1	-0,7	-0,9
		В среднем по группе	4,0	3,0	2,6	1,8	0,4	-1,2	-2,0
Естественный прирост отрицательный с 2020 г.									
СКФО	15	Республика Северная Осетия-Алания	3,7	2,5	2,9	2,0	-0,5	-2,4	-3,0
ЦФО	16	г. Москва	1,8	1,1	0,8	1,2	-2,0	-3,1	-2,0
ЮФО	17	Республика Калмыкия	2,6	1,1	1,4	0,9	-0,9	-2,5	-3,0
		В среднем по группе	2,7	1,6	1,7	1,4	-1,1	-2,7	-2,7
Естественный прирост отрицательный с 2019 г.									
ДФО	18	Забайкальский край	2,3	1,7	0,4	-0,6	-1,9	-3,6	-3,8
СЗФО	19	г. Санкт-Петербург	2,1	1,1	0,8	-0,1	-3,3	-5,3	-4,4
ПФО	20	Республика Татарстан	2,7	1,1	0,5	-0,1	-3,3	-3,0	-3,3
ЮФО	21	Астраханская область	2,0	0,7	0,1	-0,4	-2,7	-3,6	-4,2
		В среднем по группе	2,3	1,2	0,4	-0,3	-2,8	-3,9	-3,9
Естественный прирост отрицательный с 2018 г.									
ДФО	22	Сахалинская область	1,1	1,0	-0,5	-0,6	-2,2	-3,4	-5,5
ДФО	23	Камчатский край	1,4	0,9	-0,5	-0,5	-2,3	-3,7	-3,2
СФО	24	Иркутская область	1,4	0,5	-0,3	-1,4	-3,7	-4,2	-5,6
СФО	25	Томская область	1,8	0,5	-0,2	-1,4	-4,1	-5,3	-4,7
СКФО	26	Ставропольский край	1,3	0,3	-0,5	-1,3	-3,3	-4,9	-5,4
СФО	27	Красноярский край	1,4	0,1	-0,7	-1,7	-4,2	-4,6	-6,5
		В среднем по группе	1,4	0,6	-0,5	-1,2	-3,3	-4,4	-5,2

¹ В построении данной таблицы использовались материалы, размещенные на сайте *Федеральной службы государственной статистики* [Демографический ежегодник России ..., 2017; Демографический ежегодник России ..., 2019; Демографический ежегодник России ..., 2021].

Округ	N п/ п	Субъекты Российской Федерации	Годы						
			2016	2017	2018	2019	2020	2021	на май 2022
Естественный прирост отрицательный с 2017 г.									
ПФО	28	Удмуртская Республика	1,2	-0,2	-1,1	-2,2	-4,4	-4,6	-4,7
ПФО	29	Республика Башкортостан	0,8	-0,3	-0,8	-1,8	-4,8	-4,9	-4,1
ПФО	30	Республика Марий Эл	0,7	-0,5	-1,9	-2,2	-4,6	-5,6	-5,4
ПФО	31	Пермский край	0,3	-1,2	-2,2	-3,0	-5,7	-5,4	-5,9
ЦФО	32	Московская область	0,1	-0,4	-1,2	-2,5	-4,2	-5,9	-5,4
ПФО	33	Чувашская Республика	0,0	-1,3	-2,0	-2,9	-6,2	-6,6	-5,9
СФО	34	Новосибирская область	0,8	-0,5	-1,3	-2,0	-5,0	-5,1	-5,8
СФО	35	Омская область	0,1	-1,4	-2,0	-2,8	-6,3	-6,6	-7,1
ДФО	36	Хабаровский край	0,3	-1,0	-1,4	-2,4	-5,0	-5,3	-6,8
ЮФО	37	Краснодарский край	0,3	-0,5	-0,5	-1,5	-4,0	-6,1	-6,8
СЗФО	38	Республика Коми	0,7	-0,3	-1,7	-2,4	-4,2	-5,2	-6,4
СФО	39	Республика Хакасия	1,3	-0,2	-0,8	-2,1	-3,9	-4,2	-6,3
		В среднем по группе	0,6	-0,7	-1,4	-2,3	-4,9	-5,5	-5,9

Все 39 регионов были разделены на группы по году перехода от положительной к отрицательной динамике и выделена одна, куда вошли одиннадцать регионов, стабильно сохраняющих положительный естественный прирост населения. Даже с учетом того, что пандемия Covid-19 внесла коррективы в исходную численность населения в 2021 г., а закрытие границ и локдаун привели к резкому, в 2,4 раза, снижению миграционного прироста в сравнении со средними значениями в 2011–2019 гг. [Юмагузин, Винник, 2022, с. 109].

Мы полагаем, что предложенный способ формирования групп регионов позволит выделить основные характеристики, оказывающие отрицательное влияние на снижение рождаемости в них. Возможно, в данных группах есть нечто общее, что обусловило отрицательную динамику естественного прироста с определенного года. Приведем обобщенные данные (в среднем по группе) в промилле и их оценку (табл. 2).

Из сводной таблицы видно, что во всех группах происходит снижение естественного прироста населения, даже в последней группе, где естественный прирост на май 2022 г. остался положительным.

Таблица 2

**Динамика естественного прироста населения
в среднем по каждой из групп в 2016–2022 гг., сводная таблица, %**

Годы перехода с.п. от (+) к (-)	Количество субъектов в группе		Годы						
			2016	2017	2018	2019	2020	2021	на май 2022
2017	(12)	Естественный прирост (в среднем), промилле	0,6	-0,7	-1,4	-2,3	-4,9	-5,5	-5,9
2018	(6)		1,4	0,6	-0,5	-1,2	-3,3	-4,4	-5,2
2019	(4)		2,3	1,2	0,4	-0,3	-2,8	-3,9	-3,9
2020	(3)		2,7	1,6	1,7	1,4	-1,1	-2,7	-2,7
2021	(3)		4,0	3,0	2,6	1,8	0,4	-1,2	-2,0
В 2022 остался (+)	(11)		9,9	9,0	8,2	7,5	6,3	5,4	5,0
2017	(12)	Стандартная ошибка среднего значения	1,1	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4
2018	(6)		0,8	0,6	0,5	0,1	0,3	0,6	0,6
2019	(4)		0,6	0,5	0,6	0,3	0,4	0,2	0,3
2020	(3)		0,2	0,2	0,2	0,1	0,3	0,5	0,2
2021	(3)		0,1	0,1	0,1	0,2	0,4	0,3	0,5
В 2022 остался (+)	(11)		0,1	0,1	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3

В каждую из групп входят субъекты, имеющие множество отличий разного свойства. По общему показателю естественного движения субъекты близки не только по знаку, но и по значениям их свойств. Об этом свидетельствуют стандартные отклонения от среднего. Чем больше величина естественного прироста в среднем по группе, тем меньше значение стандартного среднего отклонения. Максимальное отклонение от средних значений естественного прироста в группе субъектов, сменивших знак плюс на минус, т. е. прибыль на убыль в 2017 г. Можно предположить, что она более разнородная с точки зрения демографического потенциала.

В итоге к 2022 г. с положительным естественным приростом остались 11 субъектов России. Это Республики Ингушетия, Тыва, Алтай, Дагестан, Якутия, Кабардино-Балкарская и Чеченская республики, а также Чукотский, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Отметим первое, что можно предположить в качестве потенциальной детерминанты сохранения демографического потенциала в данной группе регионов, – это ориентация населения на поддержание ценностей, характерных для этнической культуры. Поскольку в эту группу вошли регионы с преимущественно титульным населением с мощными семейными традициями, имеющими широкое распространение среди всего населения в них. Для населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, имеющих небольшую долю титульного этноса, можно предположить, решающее значение имеет экономическая привлекательность регионов, особенно для молодежи.

Таблица 3

**Динамика численности титульного населения* в субъектах РФ
с положительным естественным приростом, 2002, 2010, 2020 гг., %**

Округа РФ		Субъекты** Российской Федерации с положительным естественным приростом на май 2022 г.	Годы переписи		
			2002	2010	2020
СКФО	1	Чеченская Республика	93,5	95,3	96,4
СКФО	2	Республика Ингушетия	77,3	94,1	96,4
СКФО	3	Республика Дагестан	44,5	46,4	47,2
СКФО	4	Кабардино-Балкарская Республика	67,0	69,8	70,8
СФО	5	Республика Алтай	30,7	30,7	37,0
СФО	6	Республика Тыва	77,0	82,0	88,7
ДФО	7	Республика Саха (Якутия)	45,7	49,9	55,3
СЗФО	8	Ненецкий автономный округ	19,0	18,6	17,9
ДФО	9	Чукотский автономный округ	24,0	26,7	28,3
УФО	10	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1,9	2,1	2,4
УФО	11	Ямало-Ненецкий автономный округ	5,3	5,9	8,9

* ВПН 2020. Т. 5, табл. 1; ВПН 2010.Т. 4, табл. 4; ВПН 2002. Т. 4, табл. 3.

** Во всех субъектах РФ в качестве титульного этноса взяты национальности по названию субъекта, кроме Республики Дагестан, где в качестве титульного мы взяли аварцев и даргинцев по наибольшей численности по сравнению с другими.

Для получения более обоснованного суждения относительно положительного влияния сохранения этнических ценностей семьи и рождения детей важно рассмотреть и другие факторы, которые могли обусловить выделение этих 11 регионов в отдельную группу. Так, О. Л. Рыбаковский, анализируя 110 лет спонтанной стабилизации возрастной структуры населения России, приходит к выводу, что «весь этот период структура регулярно выходила из состояния равновесия» [Рыбаковский, 2022, с. 67]. При этом расчет возрастной структуры населения показал, что Республика Дагестан имеет значительные отличия от других регионов России, поскольку для ее населения характерны: молодой возрастной состав, высокий уровень рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни. Аналогичными характеристиками обладают Чеченская Республика и Республика Саха (Якутия) [Там же, с. 74]. В результате О. Л. Рыбаковский делает заключение, что «возрастные структурные волны населения России и большинства ее регионов необходимо сглаживать дифференцированной по времени и территориям демографической политикой, прежде всего, в области рождаемости и постоянной миграции населения» [Там же, с. 67].

Таким образом, можно предположить, что и для других регионов в этой группе также свойственны аналогичные характеристики. Для подтверждения данной гипотезы было проведено сопоставление 39 регионов по доле женщин детородного возраста в динамическом аспекте (табл. 4).

Таблица 4

Численность женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в субъектах РФ, %

Округа	№	Регионы по группам	2020* г.			2010* г.		
			женщины			женщины		
			городское население (г)	сельское население (с)	(г)+(с)	городское население (г)	сельское население (с)	(г)+(с)
		<i>Естественный прирост положительный на весь период (2016 – 05.2022 гг.)</i>						
СКФО	1	Чеченская Республика	52,8	50,4	51,4	55,3	50,8	52,3
СКФО	2	Республика Ингушетия	60,0	56,4	58,5	54,8	55,9	55,3
СФО	3	Республика Тыва	50,4	47,0	48,9	56,9	52,1	54,7
СКФО	4	Республика Дагестан	56,6	48,7	52,2	59,3	54,6	56,8
УФО	5	Ямало-Ненецкий автономный округ	53,9	49,0	53,1	60,1	54,3	59,2
УФО	6	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	50,7	48,6	50,5	57,6	54,7	57,2
ДФО	7	Республика Саха (Якутия)	51,2	44,1	48,9	55,0	50,7	53,4
СЗФО	8	Ненецкий автономный округ	50,4	38,7	47,4	52,9	46,1	50,8
ДФО	9	Чукотский автономный округ	52,2	49,3	51,3	56,5	53,5	55,4
СКФО	10	Кабардино-Балкарская Республика	48,3	47,8	48,1	52,9	54,0	53,4
СФО	11	Республика Алтай	51,8	42,0	45,3	55,6	47,5	50,0
		В среднем по группе	52,6	47,5	50,5	56,1	52,2	54,4
		<i>Естественный прирост отрицательный с 2021 г.</i>						
ДФО	12	Республика Бурятия	47,5	43,3	45,8	52,5	48,1	50,7
СКФО	13	Карачаево-Черкесская Республика	49,1	46,6	47,7	51,9	51,7	51,6
УФО	14	Тюменская область без автономий	47,0	41,8	45,5	56,6	49,0	55,0
		В среднем по группе	47,9	43,9	46,3	53,7	49,6	52,4
		<i>Естественный прирост отрицательный с 2020 г.</i>						
СКФО	15	Республика Северная Осетия-Алания	47,3	45,7	46,9	48,9	50,5	49,5
ЦФО	16	г. Москва	47,9	-	-	50,6	-	-
ЮФО	17	Республика Калмыкия	45,4	42,8	44,1	51,2	52,1	51,7
		В среднем по группе	46,9	44,3	45,5	50,2	51,3	50,6
		<i>Естественный прирост отрицательный с 2019 г.</i>						
ДФО	18	Забайкальский край	48,4	43,5	46,7	51,9	48,0	50,6
СЗФО	19	г. Санкт-Петербург	46,1	-	-	48,3	-	-
ПФО	20	Республика Татарстан	45,8	39,6	44,4	51,0	43,9	49,3
ЮФО	21	Астраханская область	47,4	43,7	46,2	48,7	49,0	48,9
		В среднем по группе	46,9	42,3	45,8	50,0	47,0	49,6

		<i>Естественный прирост отрицательный с 2018 г.</i>						
ДФО	22	Сахалинская область	47,7	42,3	46,7	50,2	44,7	49,1
ДФО	23	Камчатский край	48,2	43,8	47,3	53,0	48,0	51,9
СФО	24	Иркутская область	45,6	44,6	45,4	49,9	47,4	49,4
СФО	25	Томская область	49,4	42,0	47,2	53,4	45,4	51,0
СКФО	26	Ставропольский край	49,9	43,7	47,4	51,0	48,1	49,6
СФО	27	Красноярский край	48,9	40,1	47,1	52,2	44,7	50,5
		В среднем по группе	48,3	42,8	46,9	51,6	46,4	50,3
		<i>Естественный прирост отрицательный с 2017 г.</i>						
ПФО	28	Удмуртская Республика	45,9	38,4	43,4	49,7	45,3	48,4
ПФО	29	Республика Башкортостан	47,6	39,4	44,7	51,8	45,3	49,3
ПФО	30	Республика Марий Эл	44,2	38,4	42,7	49,2	47,6	48,6
ПФО	31	Пермский край	44,9	40,1	43,9	48,7	45,7	47,9
ЦФО	32	Московская область	49,8	47,6	49,4	48,3	46,8	48,1
ПФО	33	Чувашская Республика	45,3	35,6	42,0	52,9	43,4	49,1
СФО	34	Новосибирская область	47,7	40,8	46,4	50,0	44,1	48,7
СФО	35	Омская область	45,0	40,3	43,8	50,6	46,4	49,4
ДФО	36	Хабаровский край	47,1	44,9	46,9	50,7	49,7	50,5
ЮФО	37	Краснодарский край	49,8	43,4	47,1	48,8	46,3	47,6
СЗФО	38	Республика Коми	45,3	37,2	43,6	51,8	45,4	50,4
СФО	39	Республика Хакасия	46,0	43,1	45,1	50,3	47,2	49,3
		В среднем по группе	46,6	40,8	44,9	50,2	46,1	48,9

* ВПН 2020. Т. 2, табл. 2; ВПН 2010. Т. 2, табл. 2

Анализ динамики численности женщин репродуктивного возраста по выделенным группам показал, что предположение о связи между сохранением демографического потенциала и особенностями структуры населения действительно обосновано. Наверное, мы бы могли согласиться с тем, что одним из важнейших факторов сохранения демографического потенциала в регионе является достаточно большое количество женщин, находящихся в детородном возрасте. Но вместе с тем, мы не можем не учитывать достаточно сильное влияние, в том числе и на молодое поколение, особенностей жизни в мегаполисе, темп которой не способствует появлению многодетных семей. Так, по результатам исследования Т. К. Ростовской и Н. В. Сорокиной, сожителство, как форма отношений у молодежи, постепенно вытесняет официально зарегистрированный брак, а стремление к карьерному росту и личностному развитию отодвигают на второй план создание семьи [Ростовская, Сорокина, 2019]. В тоже время выделенная группа одиннадцати регионов показывает, что численность женщин репродуктивного возраста как раз больше в городе, чем в селе. С одной стороны, это может являться подтверждением тенденции о постепенном переезде в город жителей села, даже в регионах, где не доминирует исконно городской образ жизни. С другой, учитывая поставленную нами проблему, можно предположить,

что даже переезд в город не снижает для молодежи, воспитанной в определенных этнокультурных условиях, ценности создания полноценных семей и рождения детей. Но для ответа на данный вопрос требуется сопоставление типов семей по регионам в динамике, что мы бы хотели сделать в следующей статье.

Выводы. Таким образом, влияние специфики этнокультурных образцов формирования жизненного цикла требует дополнительного изучения в сопоставлении с данными о типах семьи, миграционных потоках и локальных программах поддержки семей.

Выполненная группировка регионов по динамике естественного прироста позволила выявить группу, сохранившую положительный естественный прирост населения, независимо от различных факторов. В том числе она подтвердила гипотезу о возможной взаимосвязи между демографическим потенциалом регионов, сохранивших ценность традиционной культуры, и численностью женщин детородного возраста. Но факторы, обусловившие данную тенденцию, требуют дополнительного рассмотрения как относительно этнокультурной специфики формирования жизненного цикла молодежью, поддержания ими ценностей семьи и рождения детей, так и социально-экономических мер, принимаемых на региональном уровне.

Список литературы / References

Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. (2017). М. Центр стратегических разработок. 71 с.

Demographic Challenges of Russia. Expert and Analytical Report. (2017). Moscow. 71 p. (In Russ.)

Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. Росстат. (2017). М. [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo17.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

Demographic Yearbook of Russia. 2017. Stat. Collection Rosstat. (2017). Moscow. [Online]. *Federal State Statistics Service.* Available at: https://gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. Росстат. (2019). М. [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

Demographic Yearbook of Russia. 2019. Stat. Collection Rosstat. (2019). Moscow. [Online]. *Federal State Statistics Service.* Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Демографический ежегодник России. 2021: стат. сб. Росстат. (2021). М. [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

Demographic Yearbook of Russia. 2021. Stat. Collection Rosstat. (2021). Moscow. [Online]. *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. и в среднем за 2022 г. и компоненты ее изменения (с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.03.2023).

Estimation of the permanent population as of January 1, 2023 and the average for 2022 and the components of its change (taking into account the results of the All-Russian Population Census 2020). [Online]. *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Accessed: 17 March 2023). (In Russ.)

Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года: стат. бюлл. (2020). М. Росстат. [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 17.05.2023).

Estimated population of the Russian Federation until 2035. Stat. Bulletin. (2020). Moscow. Rosstat. [Online]. *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. Росстат. (2020). М. С. 97. [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 10.05.2023).

Russian Statistical Yearbook. 2020. Stat. Collection Rosstat. (2020). Moscow. p. 97. [Online]. *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (Accessed: 17 May 2023). (In Russ.)

Ростовская, Т. К., Сорокина, Н. В. (2019). Традиционные семейные ценности как залог стабильности российского общества: социокультурный анализ. *Наука. Культура. Общество*. № 1. С. 33-45.

Rostovskaya, T. K., Sorokina, N. V. (2019). Traditional family values as a guarantee of stability of Russian society: socio-cultural analysis. *Science. Culture. Society*. no. 1. pp. 33-45. (In Russ.)

Рыбаковский, О. Л. (2022). Структурные волны населения России и ее регионов: вопросы оценки и сравнения. *Народонаселение*. Т. 25. № 1. С. 65-79. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.6

Rybakovsky, O. L. (2022). Structural waves of the population of Russia and its regions: issues of assessment and comparison. *Population*. Vol. 25. no. 1. pp. 65-79. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.6. (In Russ.)

Щербакова, Е. М. (2023а). Старение населения мира по оценкам ООН 2022 года. [Электронный ресурс]. *Демоскоп Weekly*. № 975-976. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0975/barom03.php> (дата обращения: 10.05.2023).

Shcherbakova, E. M. (2023a). The aging of the world's population according to UN estimates of 2022. [Online]. *Demoscope Weekly*. no. 975-976. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0975/barom03.php> (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Щербакова, Е. М. (2023б). Старшие поколения россиян, 2023 год. [Электронный ресурс]. *Демоскоп Weekly*. № 977-978. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0977/barom05.php> (дата обращения: 10.05.2023).

Shcherbakova, E. M. (2023b). Older generations of Russians, 2023. [Online]. *Demoscope Weekly*. no. 977-978. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0977/barom05.php> (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Щербакова, Е. М. (2023в). Предварительные демографические итоги 2022 года в России (часть I). [Электронный ресурс]. *Демоскоп Weekly*. № 979-980. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom03.php> (дата обращения: 10.05.2023).

Shcherbakova, E. M. (2023c). Preliminary demographic results of 2022 in Russia (part I). [Online]. *Demoscope Weekly*. no. 979-980. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom01.php> (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Щербакова, Е. М. (2023г). Миграция в России, предварительные итоги 2022 года. [Электронный ресурс]. *Демоскоп Weekly*. № 983-984. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0983/barom01.php> (дата обращения: 10.05.2023).

Shcherbakova, E. M. (2023d). Migration in Russia, preliminary results of 2022. [Online]. *Demoscope Weekly*. no. 983-984. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0983/barom01.php> (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Юмагузин, В. В., Винник, М. В. (2022). Прогноз численности и демографической нагрузки населения России до 2100 года. *Проблемы прогнозирования*. № 4(193). С. 98-111.

Yumaguzin, V. V., Vinnik, M. V. (2022). Forecast of the number and demographic load of the population of Russia up to 2100. *Studies on Russian Economic Development*. no. 4(193). pp. 98-111. (In Russ.)

Юмагузин, В. В., Винник, М. В. (2023). Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1(58). С. 48-64. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_48

Yumaguzin, V. V., Vinnik, M. V. (2023). Long-term forecast of compensatory migration in Russia. *Journal of the New Economic Association*. no. 1(58). pp. 48-64. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_48 (In Russ.)

World Population Prospects 2019: Methodology of the United Nations population estimates and projections. (2019). New York. United Nations.

Сведения об авторах / Information about the authors

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>.

Гончарова Галина Савитовна – научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск, Россия), Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: socis24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-9447>.

Статья поступила в редакцию: 04.05.2023

После доработки: 08.06.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

Abramova Mariya Alekseevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>.

Goncharova Galina Savitovna – Researcher of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: socis24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-9447>.

The paper was submitted: 04.05.2023

Received after reworking: 08.06.2023

Accepted for publication: 15.06.2023

УДК 316.44:314.74

ИЗ МОНГОЛИИ В КАНАДУ: ЗА ОБРАЗОВАНИЕМ И РАБОТОЙ*

А. В. Винокурова

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
vinokurova77@mail.ru

Мунхбат Оролмаа, Алтансүх Винтов, Чанцалсүрэн Маваг

Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор, Монголия)
munkhbat@num.edu.mn; altansukhv@num.edu.mn; chantsalsuren@num.edu.mn

Аннотация. В данной работе рассматриваются основные аспекты образовательной миграции из Монголии в Канаду, а также дальнейшие перспективы трудоустройства монгольских граждан. Исследование выполнено с опорой на данные международной и национальной статистики ООН, ЮНЕСКО, Правительства Канады и др. В результате исследования было выявлено, что монгольские мигранты в Канаде – это одна из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов. В настоящее время Канада не является высоко востребованным направлением для граждан Монголии в плане получения высшего образования, совершенствования знания английского языка, но имеет в этом отношении достаточно высокий потенциал. Образовательная миграция из Монголии в Канаду связана с дальнейшими перспективами трудоустройства и профессиональной самореализацией молодых людей.

Ключевые слова: миграционные процессы, образовательная миграция, студенты, трудовая занятость, Монголия, Канада.

Для цитирования: Винокурова, А. В., Мунхбат, О., Алтансүх, В., Чанцалсүрэн, М. (2023). Из Монголии в Канаду: за образованием и работой. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 48-58. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.48-58

FROM MONGOLIA TO CANADA: FOR EDUCATION AND WORK*

A. V. Vinokurova

Far Eastern Federal University (Vladivostok)
vinokurova77@mail.ru

Munkhbat Orolmaa, Altansukh Vintov, Chantsalsuren Mavag

National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)
munkhbat@num.edu.mn; altansukhv@num.edu.mn; chantsalsuren@num.edu.mn

Abstract. This paper examines the main trends that characterize the trends of educational migration from Mongolia to Canada, as well as further employment prospects for Mongolian citizens in Canada. The study was based on data from international and national statistics of the United Nations, UNESCO, the Government of Canada, and others. Mongolian migrants in Canada are one of the fastest growing groups of foreign migrants. Currently, Canada

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (РЦНИ) и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР».

* The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44003 «Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region».

is not a highly demanded destination for Mongolian citizens in terms of higher education, improving English language skills, but it has a fairly high potential in this regard. Educational migration from Mongolia to Canada is associated with further employment prospects and professional self-realization.

Keywords: migration processes, educational migration, students, employment, Mongolia, Canada.

For citation: Vinokurova, A. V., Munkhbat, O., Altansukh, V., Chantsalsuren, M. (2023). From Mongolia to Canada: For Education and Work. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 48-58. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.48-58

Канада является одной из крупнейших стран мира (второе место по занимаемой территории), постоянное население которой во многом формировалось за счет мигрантов. По данным на 2021 г. в Канаде проживало более 8 млн мигрантов, что составляло почти четверть (23,0 %) от общей численности населения страны [см. подробнее: Immigrants Make Up..., 2022]. В настоящее время масштабы международной миграции в Канаду продолжают увеличиваться, и если указанные тенденции сохранятся, то по прогнозам Статистической службы Канады, доля международных мигрантов может составить от 29,1 % до 34,0 % всего населения Канады к 2041 г.

На протяжении достаточно длительного периода (с момента освоения североамериканского континента европейцами) большинство международных мигрантов в Канаде были выходцами из Великобритании и Франции. Но за последние 50 лет численность мигрантов из Европы существенно сократилась, а доля выходцев из стран Азии, включая государства Ближнего Востока, продолжает расти. Данный тренд доминирует и в настоящее время (см. табл. 1).

Таблица 1

**ТОП-10 стран,
обеспечивающих наибольший приток международных мигрантов в Канаду¹**

№ п/п	Страна	% от общего числа международных мигрантов в 2016 г.	% от общего числа международных мигрантов в 2021 г.
1.	Индия	12,1	18,6
2.	Филиппины	15,6	11,4
3.	Китай	10,6	8,9
4.	Сирия	2,5	4,8
5.	Нигерия	1,4	3,0
6.	США	2,7	3,0
7.	Пакистан	3,4	2,7
8.	Франция	2,0	2,0
9.	Иран	3,5	1,9
10.	Великобритания	2,0	1,7

¹ Составлено авторами на основе: [Nearly One of Five Recent Immigrants Were Born in India, the Highest Proportion from a Single Place of Birth since 1971, 2022].

Как видим, доля мигрантов из Индии за последние пять лет существенно возросла, практически каждый пятый международный мигрант в Канаде – это выходец из Индии. Также высока доля мигрантов из других азиатских стран, в частности, из Филиппин и Китая, но в последнее время наметилась тенденция к снижению их численности. Кроме того, практически в два раза выросло число мигрантов из Сирии и Нигерии. Миграция из других государств в Канаду, входящих в ТОП-10, практически не меняется, либо имеет место незначительное снижение миграционного прироста.

Монгольские мигранты не обладают столь высокой численностью как мигранты из других стран, обозначенных нами выше, но представляют собой одну из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов в Канаде (см. рис. 1).

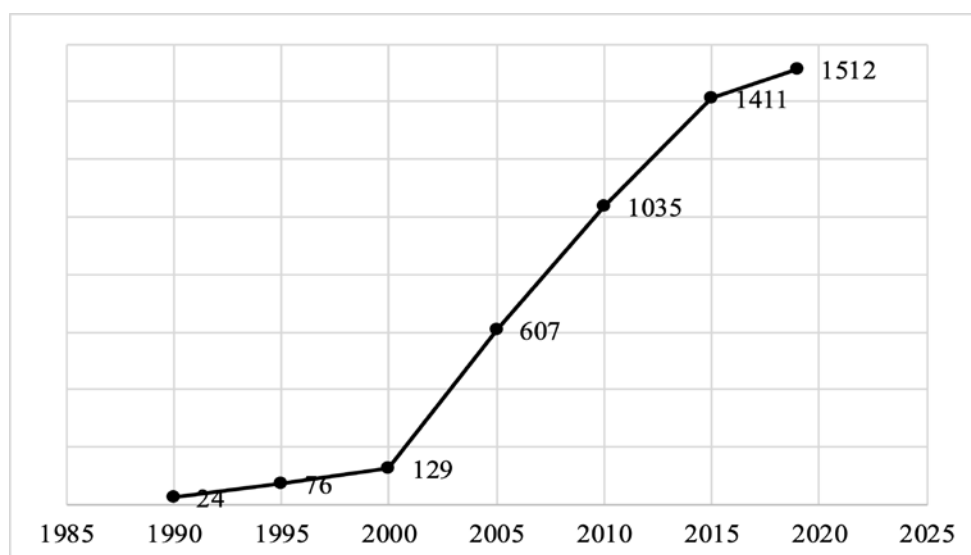

Рис. 1. Численность монгольских мигрантов в Канаде в 1990–2019 гг., чел.²

Как показывают данные, представленные на рис. 1, за последние почти тридцать лет численность монгольских мигрантов увеличилась более чем в шестьдесят раз. Другими словами, темпы роста выходцев из Монголии значительно выше, чем мигрантов из других государств.

Статус мигрантов из Монголии (как и мигрантов из других иностранных государств) в Канаде регламентируется нормативно-правовыми актами, регулирующими потоки долгосрочной и временной миграции. Часть временных мигрантов в Канаде являются обладателями различных типов рабочих виз. По данным Статистической службы Канады, из временных иностранных работников – 44,0 % относятся к категории высококвалифицированных специалистов, 39,0 % составляют работники низкой квалификации, еще 17,0 % – это мигранты без подтвержденной квалификации, но имеющие официальный заработок [см. подробнее: Transition to Permanent Residency..., 2022]. В дальнейшем, как показывают результаты различных исследований [см. подробнее: Choi,

² Составлено авторами на основе: [International migrant stock, 2019].

Crossman, Hou, 2021; Hou, Crossman, Picot, 2020; Prokopenko, Hou, 2018], около четверти временных мигрантов получают вид на жительство и в перспективе канадское гражданство.

Еще одной категорией временных виз для иностранных мигрантов являются студенческие визы. Образовательная миграция позволяет иностранным гражданам в возрасте от 18 до 35 лет приезжать в Канаду по студенческой визе для очного обучения в колледжах и университетах, других высших и средних специальных учебных заведениях.

Имеется два основных типа виз. Виза SW-1 выдается иностранным гражданам, в том числе и гражданам Монголии, которые проходят различные программы стажировок, например, языковых, с выдачей соответствующих подтверждающих сертификатов, продолжительностью не более шести месяцев. Также есть виза S-1, как раз именно этот тип визы чаще всего получают монгольские студенты. Наличие такой визы означает, что срок пребывания в Канаде составляет более полугода и предполагает обучение по программам среднего специального и высшего образования в колледжах и университетах с получением соответствующего диплома. Если монгольский студент обладает такой визой, то он может совмещать учебу и работу.

Канада является одним из мировых лидеров в области образования, занимает третье место (после США и Австралии) по количеству иностранных студентов. По данным Канадского бюро международного образования, контингент иностранных студентов, обучающихся по программам всех уровней обучения, по итогам 2022 г. составил 807 750 человек, из них 373 599 чел. – студенты вузов, доля иностранных студентов – 17,2% [см. подробнее: Canada International Student Statistics, 2022; International Students in Canada, 2022]. Количество иностранных студентов неуклонно растет (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность иностранных студентов в Канаде в 2010–2011 – 2020–2021 гг., чел.³

Год	2010/11	2011/12	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21
Всего иностранных студентов (высшее образование), чел.	142 170	158 106	174 249	199 059	217 521	228 924	256 494	296 496	341 964	388 782	373 599

Представленные в табл. 2 сведения репрезентируют, что с 2010/11 по 2015/16 гг. количество иностранных студентов увеличилось на 61,0%; в период с 2015/16 по 2018/2019 гг. – на 39,6%; с 2018/19 по 2019/2020 гг. – на 13,6%. Некоторое снижение численности иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, отмечено в 2020/2021 гг. по сравнению с 2019/2022 гг., что обусловлено введением жестких ограничений в связи с пандемией COVID-19. Но в целом за прошедшие десять лет численность иностранных студентов в Канаде увеличилась на 162,7%.

По данным 2022 г. подавляющее большинство иностранных студентов в Канаде среди студентов всех уровней обучения составляют граждане Индии – 319 000 чел. (39,4%). На втором месте по численности – студенты из Китая (100 010 чел. или 12,3%). Третье место

³ Источник: [Historical International Student Statistics in Canada, 2023].

занимают студенты из Филиппин (32 425 чел. или 4,1 %). Далее по убывающей следуют: студенты из Франции – 27 110 чел. (3,3 %); Нигерии – 21 645 чел. (2,7 %); Ирана – 21 105 чел. (2,6 %); Республики Корея – 16 500 чел. (2,1 %); Вьетнама – 16 130 чел. (1,9 %); Мексики – 14 920 чел. (1,8 %); США – 14 465 чел. (1,7 %) [см. подробнее: International Students in Canada on a Study Permit, 2023].

Если говорить о студентах из Монголии, обучающихся в Канаде по программам высшего образования, то динамику их численности можно представить следующим образом (см. рис. 2).

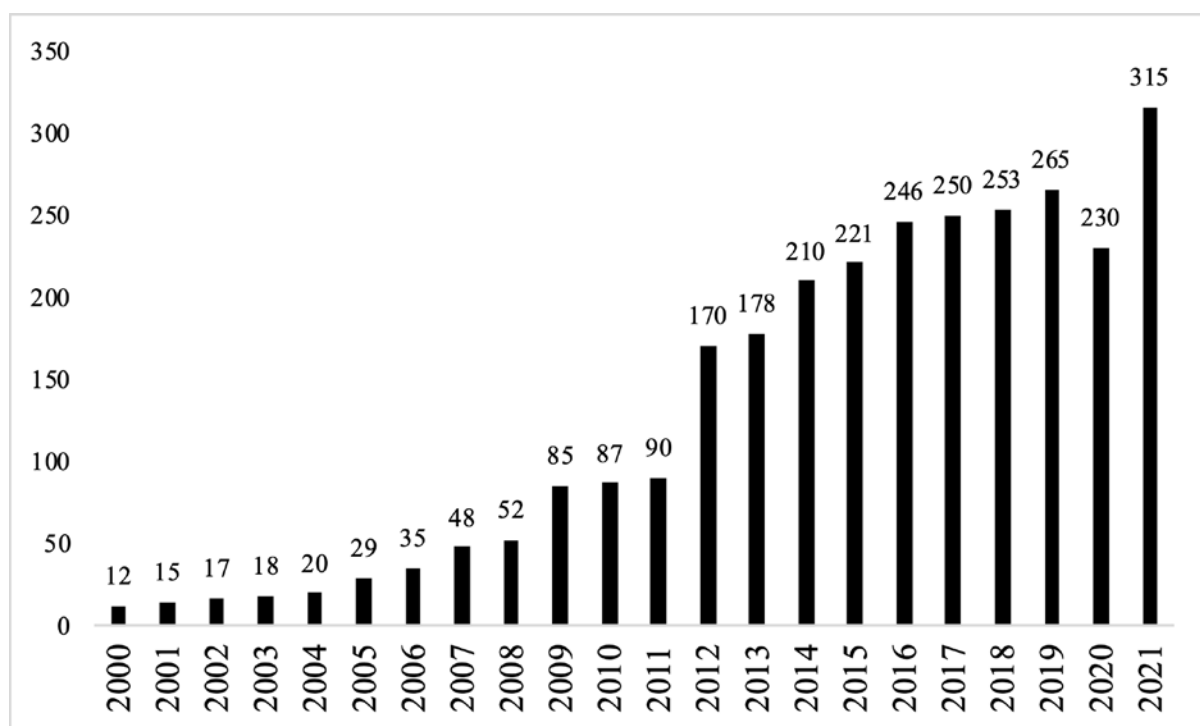

Рис. 2. Численность студентов из Монголии, обучающихся в Канаде по программам высшего образования в 2000–2021 гг., чел.⁴

Данные, приведенные на рис. 2, показывают, что численность монгольских студентов, получающих высшее образование в Канаде, неуклонно росла. Так, в 2019 г., до пандемии, в Канаде обучалось 265 монгольских студентов. Это число упало до 230 в 2020 г., после начала пандемии. Несмотря на небольшое число монгольских студентов в абсолютном выражении, в Канаде наблюдается их значительный процентный рост. Например, в 2004 г. в стране было всего 20 монгольских студентов. С 2011 по 2012 гг. их число почти удвоилось, с 90 до 170 студентов. В целом, численность монгольских студентов в Канаде за прошедший двадцатилетний период увеличилась более чем в двадцать пять раз.

Стоит отметить, что Канада пока не является высоко востребованным направлением для монгольских студентов в плане получения высшего образования. Но все же определенный потенциал имеется, об этом свидетельствуют статистические данные, представленные нами выше на рис. 2. Кроме того, между Монголией и Канадой, особенно

⁴ Составлено авторами на основе: [Loo, Narantuya, Enkhtuya, 2022]

ее северными провинциями, имеется поразительное сходство, в частности, климат, суровая география и малочисленность населения. Кроме того, граждане Монголии – обладатели студенческих виз S-1, находясь в Канаде, имеют возможность совмещать работу и обучение, не получая специального разрешения именно на ведение трудовой деятельности. Продолжительность рабочего дня в таком случае должна составлять не более 20 часов в неделю в течение семестра, также возможна занятость на полный рабочий день во время каникул. Средний заработок монгольских студентов составляет чуть более 37 тыс. канадских долларов в год, это около 3 100 канадских долларов в месяц. Позиции начального уровня предполагают заработную плату от 27,3 тыс. канадских долларов в год, а студенты, имеющие опыт работы и занятые на должностях более высокого уровня, могут зарабатывать около 63 тыс. канадских долларов в год. Это весьма привлекательные условия. Так, Национальный статистический комитет Монголии приводит данные о среднемесячной заработной плате сотрудников предприятий и учреждений, она составляет 1 279 400 тугриков в месяц [Mongolian Statistical Yearbook, 2021], что эквивалентно сумме примерно в 500 канадских долларов. Другими словами, работая в Канаде, у монгольских студентов есть возможность в среднем получать ежемесячный доход приблизительно в шесть раз выше, чем в своей стране.

Отметим, что имеют место и другие стимулы. Как мы уже указали, это возможность легально совмещать обучение и работу, а также перспектива овладеть английским и/или французским языком на более высоком уровне, получить диплом с квалификацией, признаваемой в других государствах мира. Также Канада – это страна, характеризующаяся высоким уровнем толерантности, безопасности и качества жизни.

Примечательный факт, что большинство монгольских студентов, обучающихся в Канаде – это замужние женщины с детьми. Поэтому «притягивающим» фактором является еще и то, что в Канаде нет особых трудностей в плане легитимного пребывания в стране супруга/супруги студента и их детей. Нет никаких ограничений на количество часов, в течение которых супруг, не имеющий статуса студента, может работать в Канаде в течение срока действия визы.

По завершении обучения у монгольских студентов есть возможность продолжить его на более высоком уровне (магистратура, докторантура и пр.), получить вид на жительство и в перспективе канадское гражданство. Студенты из Монголии, проучившиеся очно (дневная форма обучения) не менее двух лет в аккредитованном колледже или университете, имеют право подать заявление на получение постоянного вида на жительство по программе Canadian Experience Class (СЕС). Получение визы СЕС также является одной из причин, по которой граждане Монголии стремятся получить образование в Канаде, это прямой путь к получению канадского гражданства. Также после завершения образовательной программы, продолжительность которой составляет два года и более, можно претендовать на получение трехлетней рабочей визы, что в дальнейшем также облегчает получение вида на жительство и канадского гражданства.

В целом, Монголия является очень перспективным образовательным рынком. Мы, как и многие другие авторы, неоднократно отмечали, что такая динамика обусловлена значительной долей молодого населения, популярностью высшего образования среди

различных слоев населения [см. подробнее: Бадараев, 2021; Винокурова, Мунхбат, Оюунханд, 2021; Галиймаа, 2016; Дагбаев, Актамов, 2017; Цэцэнбилэг, Пурэвханд, 2022]. Полагаем, что число монгольских студентов в зарубежных университетах будет продолжать расти (см. рис. 3).

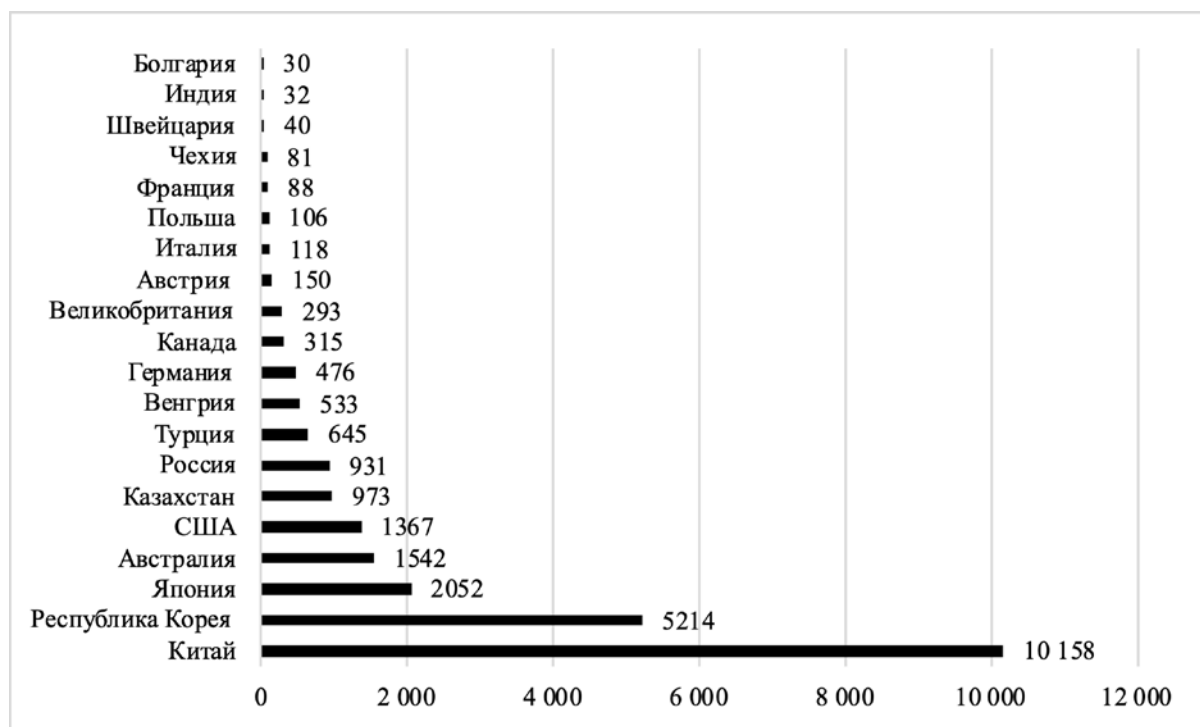

Рис. 3. ТОП-20 стран мира наибольшей численностью студентов из Монголии, чел.⁵

Представленные на рис. 3 данные наглядно демонстрируют, что по числу монгольских студентов Канада хоть и значительно отстает от стран АТР и США, но при этом существенно обгоняет европейские страны. У Канады есть потенциал в плане увеличения спроса на высшее образование среди монгольской молодежи.

В целом, можно сделать вывод, что миграция из Монголии в Канаду связана с получением образования, дальнейшими перспективами трудоустройства, профессиональной самореализацией. Канадское образование – это хорошие стартовые возможности. Однако это вовсе не значит, что диплом канадского вуза автоматически дает молодым монголам какие-либо преференции. Монгольские мигранты сталкиваются с высокой конкуренцией не только со стороны канадцев, но и выходцев из других стран, в том числе Азии. Зачастую молодые люди, получившие образование в Канаде, возвращаются в Монголию и строят карьеру в своей родной стране. Власти Монголии стремятся активизировать процесс возвратной миграции молодежи посредством различных мер. Так, Правительство Монголии предоставляет ссуды студентам, выезжающим для получения

⁵ Составлено авторами на основе: [Global Flow of Tertiary-Level Students, 2023; Loo, Narantuya, Enkhtuya, 2022; Statistical Report on International Students in China, 2019]. Данные по Китаю приводятся по состоянию на 2018 г.; по России – на 2019 г.; по Индии и Канаде – на 2021 г.; по всем остальным государствам – на 2020 г.

высшего образования за пределы страны, через специальный государственный фонд, который требует, чтобы студенты после получения высшего образования за рубежом вернулись на родину и работали в Монголии в течение как минимум пяти лет после завершения обучения.

Полагаем, что исследование рассматриваемой нами проблемы в будущем целесообразно дополнить не только статистическим анализом, но и социологическими методами. Это позволит нам более детально описать образовательные стратегии монгольских мигрантов.

Список литературы / References

Бадараев, Д. Д. (2021). Демографическая динамика и модернизационные изменения в системе жизнеобеспечения монгольского общества. *Власть*. Т. 29. № 5. С. 278-284. DOI: 10.31171/vlast.v29i5.8573

Badaraev, D. D. (2021). Demographic Dynamics and Modernization Changes in the Life Support System of Mongolian Society. *Vlast' (The Authority)*. Т. 26. no. 5. pp. 278-284. DOI: 10.31171/vlast.v29i5.8573 (In Russ.)

Винокурова, А. В., Мунхбат, О., Оюунханд, Ш. (2021). Демографическое поведение и миграционные настроения населения современной Монголии: основные тренды и динамика развития. *Социальные и экономические системы*. № 3(21). С. 190-202.

Vinokurova, A. V., Munkhbat, O., Oyunkhand, Sh. (2021). Demographic behaviour and migratory sentiments among the population in modern Mongolia: main trends and dynamics of development. *Social and Economic Systems*. no. 3. pp. 190-202. (In Russ.)

Галиймаа, Н. (2016). Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются. *Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры*. Отв. ред. С. А. Панарин. С. 19-34.

Galiimaa, N. (2016). Migration of the Mongols abroad: why they leave and why they return. In Panarin, C. A. (ed.). *East in the East, in Russia and in the West: Cross-Border Migrations and Diasporas*. pp. 19-34. (In Russ.)

Дагбаев, А. Д., Актамов, И. Г. (2017). Ценностные ориентации и установки современной молодежи Монголии. *Вестник Бурятского государственного университета*. № 2. С. 73-80. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-2-73-80

Dagbaev, E. D., Aktamov, I. G. (2017). Value Orientations and Attitudes of Modern Youth in Mongolia. *Vestnik Buryat State University*. no. 2. pp. 73-80. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-2-73-80 (In Russ.)

Цэцэнбилэг, Ц., Пурэвханд, Ж. (2022). Монгол дахь албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн одоогийн байдал (статистикийн шинжилгээ) (Неформальная занятость в Монголии: состояние и тенденции развития (статистический анализ)). *Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст.* Новосибирск: СО РАН. С. 603-606. DOI: 10.53954/9785604788981_603

Tsetsenbileg, Ts., Purevkhand, J. (2022). Current State of Informal Employment in Mongolia. In *The World of Central Asia – V: collection of scholarly articles*. Novosibirsk: SB RAS. pp. 603-606. DOI: 10.53954/9785604788981_603 (In Mong.)

Canada International Student Statistics. (2022). [Online]. *Study in Canada*. Available at: <https://studying-in-canada.org/canada-international-student-statistics/#:~:text=International%20Students%20in%20Canada%20Through%20the%20Years&text=As%20a%20consequence%2C%20the%20proportion,17.8%20percent%20by%202019%2F2020> (Accessed: 31 May 2023).

Choi, Y., Crossman, E., Hou, F. (2021). International Students as a Source of Labor Supply: Transition to Permanent Residency. *Economic and Social Reports*. no 1(6). pp. 1-10.

Global Flow of Tertiary-Level Students. 2023. [Online]. *UNESCO Institute for Statistics*. Available at: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (Accessed: 31 May 2023).

Historical International Student Statistics in Canada. (2023). [Online]. Available at: <https://erudera.com/statistics/canada/canada-international-student-statistics/> (Accessed: 31 May 2023).

Hou, F., Crossman, E., Picot, G. (2020). Two-Step Immigrant Selection: an Analysis of Its Expansion in Canada [Online]. *Economic Insights*. no.112. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-626-x/11-626-x2020010-eng.htm> (Accessed: 31 May 2023).

Immigrants Make Up the Largest Share of the Population in over 150 Years and Continue to Share Who We Are as Canadians. (2022). [Online]. *Statistics Canada*. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/dq221026a-eng.htm> (Accessed: 01 June 2023).

International migrant stock. (2019). [Online]. Available at: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (Accessed: 01 June 2023).

International Students in Canada. (2022). [Online]. *Canadian Bureau for International Education*. Available at: <https://cbie.ca/infographic/> (Accessed: 03 June 2023).

International Students in Canada on a Study Permit. (2023). [Online]. Available at: <https://erudera.com/statistics/canada/canada-international-student-statistics/> (Accessed: 03 June 2023).

Loo, B., Narantuya, D., Enkhtuya, G. Education in Mongolia. (2022). [Online]. *World Education News & Reviews (WENR)*. Available at: <https://wenr.wes.org/2022/08/education-in-mongolia> (Accessed: 03 June 2023).

Mongolian Statistical Yearbook. (2021). [Online]. Available at: https://downloads.1212.mn/Statistical_Yearbook_2021_eng.pdf#pdfjs.action=download (Accessed: 02 June 2023).

Nearly One of Five Recent Immigrants Were Born in India, the Highest Proportion from a Single Place of Birth since 1971. (2022). [Online]. *Statistics Canada*. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/g-a005-eng.htm> (Accessed: 02 June 2023).

Prokopenko, E., Hou, F. (2018). How Temporary are Canada's Temporary Foreign Workers? *Population and Development Review*. Vol. 44. no. 2. pp. 257-280.

Statistical Report on International Students in China. (2019). [Online]. Available at: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (Accessed: 02 June 2023).

Transition to Permanent Residency by Lower – and Higher-skilled Temporary Foreign Workers. (2022). [Online]. *Statistics Canada*. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/36-28-0001/2022001/article/00002-eng.htm> (Accessed: 02 June 2023).

Сведения об авторах / Information about the authors

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>

Мунхбат Оролмаа – Ph.D., профессор, директор Института социальных исследований, декан Ulaanbaatar School Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: munkhbat@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0002-7869-9144>

Алтансүх Винтов – докторант кафедры политологии Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: altansukhv@num.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0008-6663-1629>

Чанцалсүрэн Маваг – докторант кафедры политологии Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: chantsalsuren@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0002-3966-0263>

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023

После доработки: 11.06.2023

Принята к публикации: 20.06.2023

Vinokurova Anna – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>

Munkhbat Orolmaa – Ph.D., Tenured Professor, Director of Social Research Institute, Dean of Ulaanbaatar School, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: munkhbat@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0002-7869-9144>

Altansukh Vintov – PhD Student of the Department of Political Science, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: altansukhv@num.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0008-6663-1629>

Chantsalsuren Mavag – PhD Student of the Department of Political Science, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: chantsalsuren@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0002-3966-0263>

The paper was submitted: 15.05.2023

Received after reworking: 11.06.2023

Accepted for publication: 20.06.2023

УДК 304

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА:
К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**

Е. Г. Маклашова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)
maklashova@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос о необходимости корректирования методологии изучения социального самочувствия, в частности, в отношении уникальных социальных групп – коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. На основе сделанного анализа комплекса подходов автором установлено, что изучение социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера Якутии должно проводиться не только с точки зрения учета эмоциональных, социально-экономических, но и прежде всего этнокультурных показателей. Автор приходит к выводу, что уровень социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера во многом взаимосвязан и обусловлен степенью устойчивости таких факторов, как язык, территория проживания (земля, природа), культура, традиции и обычаи, традиционный образ жизни, родовая община, традиционная хозяйственная деятельность, социальное обеспечение, этническая идентичность, экология территорий проживания.

Ключевые слова: социальное самочувствие, коренные малочисленные народы Севера, устойчивое развитие, этнокультурные индикаторы, духовно-культурные основания социального самочувствия.

Для цитирования: Маклашова, Е. Г. (2023). Социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера: к вопросу о методологии изучения (на материалах Республики Саха (Якутия)). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 59-75. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.59-75

**SOCIAL WELL-BEING OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH:
TO THE QUESTION OF THE METHODOLOGY OF STUDY
(ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))**

E. G. Maklashova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (Yakutsk)
maklashova@mail.ru

Abstract. The article raises the question to adjust the methodology for studying social well-being, in particular, in relation to the unique social groups of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. Based on the analysis of a set of approaches, it is established that the research of the social well-being of the Indigenous Peoples of the North of Yakutia should be carried out not only in terms of emotional, socio-economic, but, above all, ethno-cultural indicators. The author comes to the conclusion that the level of social well-being of the indigenous peoples of the North is largely interconnected and determined by the degree of stability of such factors as language, territory of residence (land, nature), culture, traditions and customs, traditional way of life, tribal community, traditional economic activity, social security, ethnic identity, ecology of the territories of residence.

Keywords: social well-being, Indigenous Peoples of the North, sustainable development, ethno-cultural indicators, spiritual and cultural foundations of social well-being.

For citation: Maklashova, E. G. (2023). Social Well-being of the Indigenous Peoples of the North: To the Question of the Methodology of Study (on the Materials of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 59-75. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.59-75

Актуальность исследования. Изучение социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока представляет собой весьма актуальную фундаментальную и практическую проблему. Во-первых, такое исследование способствует формированию новых знаний о трансформации российского общества и его отдельных групп вследствие перманентного реформирования социально-политической системы России, усиления глобализации и укрепления влияния «больших вызовов». Необходимо понимать, что в современных условиях коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока представляют собой самые уязвимые социальные группы, прежде всего, в силу малочисленности и специфического образа жизни. Во-вторых, результаты изучения социального самочувствия должны стать основой для управленческих решений и проведения соответствующей политики по соблюдению прав коренных народов, осуществления мониторинга устойчивого развития миноритарных народов в России.

Особенности методологии исследования и о трактовке социального самочувствия. Принимая во внимание значимость поликультурности и языкового многообразия как важных «двигателей» социального развития в России на фоне принятия факта о несбалансированности модернизации [Горшков и Тихонова, 2013; Атлас модернизации России и ее регионов, 2016], транзитивности [Наливкина, 2006], высоком государственном влиянии на социальное развитие [Россия: реформирование властно-управленческой вертикали ..., 2017], мы прибегли к использованию комплекса подходов, прежде всего, к принятию полипарадигмального подхода в социологии [Ядов, 2003], что позволит объективно и спектрально описать социальное самочувствие, его детерминанты и индикаторы.

Объектом исследования выступают социальные группы, обозначаемые законодательно как коренные малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия), а именно: эвены, эвенки, долганы, чукчи и юкагиры, т. е. этнические сообщества, понимаемые нами как группы, исторически сложившиеся на определенных территориях на основе единой культуры (включая обычаи, традиции), языка, исторической памяти, воспринимаемых и принимаемых членами этих сообществ как неотъемлемые и определяющие факторы их этнической группы, формирующие и укрепляющие принадлежность индивидов к группе; предметом – социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера.

Для проведения исследования социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера нам пришлось, ввиду наличия широкой методологической разработки категорий «социальное настроение», «социальное самочувствие», скомпоновать основные и важные, по нашему мнению, подходы, на основе которых будут пониматься социальные процессы по отношению к коренным малочисленным народам Севера.

Во-первых, мы исходим из того, что социальное самочувствие – это широкий и весьма спектральный показатель, отражающий: 1) психоэмоциональное состояние в рамках индивидуальной и групповой оценки качества жизни, собственных сил, возможностей в настоящем и будущем, разрабатываемый Институтом социологии РАН (Ж. Т. Тощенко и т. д.) [Тощенко, 1998; Елихина и др., 2020; Корнилова, 2015; Социальное самочувствие населения ..., 2011]; 2) уровень интеграции индивидов посредством поддержания функциональных связей и паттернов, обеспечивающих устойчивость социальной системы [Парсонс, 2008; Дюркгейм, 2018]; 3) уровень возможных институциональных изменений в рамках оценки готовности индивидов к активным действиям [Бурдые, 1993; Гидденс, 2005; Штомпка, 2001]. Реферирование материалов о состоянии социального самочувствия населения России позволяет говорить, что сама социологическая категория «социальное самочувствие» является отражением взаимосвязи влияния современных, сложносоставных социальных явлений и процессов на развитие общества / социальной группы, по этой причине она многомерна и может выступать как индикатором социально-политических процессов, эффективности реформ и адаптации к ним общества и его отдельных групп, так и показателем состояния и развития самого общества / его отдельных социальных групп. Исходя из понимания социального самочувствия как многосоставного показателя и базируясь на результатах научной дискуссии (в том числе в рамках методологических семинаров) в Центре этносоциологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (далее ИГИИПМНС СО РАН) по вопросу разработки методологии исследования социального самочувствия населения Якутии, было решено проведение анализа широкого диапазона погруженности человека в полиэтническую социальную среду с охватом психологического среза – измерение эмоционального состояния, среза объективных условий, включая отношение к окружающей среде, и субъективного среза – оценки своего места в социальном процессе. На основе этого нами предложено следующее понимание *социального самочувствия (СС) как комплексной оценки состояния самосознания общества / группы / личности в исследуемый период («здесь и сейчас»), отражающего ощущения, осмысление и объективизацию социальных отношений и социальных процессов, определяющих стратегии адаптации общества / группы / личности и тренды общественного развития. СС выступает многосоставным показателем, фиксирующим восприятие группой / индивидом себя, окружающей среды (политической, социальной, экономической, культурной (в том числе этнонациональной), экологической), своей включенности в общество (место и роль). СС, по нашему мнению, определяет как адаптацию, так и устойчивость социальных отношений и социального процесса, тренды и перспективы развития многомерной социальной реальности и в целом полиэтнического сообщества.*

Во-вторых, изучение социального самочувствия коренных малочисленных народов как уникальных этнических сообществ современности предусматривает использование интеграционного подхода в обосновании их социокультурного единства, предполагающего сочетание примордиализма, строящегося на историко-культурном объяснении существования группы людей, на основе признания естественных и объективных факторов коллективного единства и конструктивизма (в том числе инструментализма),

акцентирующего внимание на субъективных особенностях восприятия факторов этничности и в целом самоидентификации [Тишков, 2001], в том числе через оценку этничности как коммуникативного [Малахов, 2014] и деятельностного ресурса (инструмента для активности) (Л. М. Дробижева) [Гражданская, этническая и региональная идентичность ..., 2013].

Использование данного комплекса потребовало корректировки существующих процедур в отношении изучения социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера.

О специфике коренных малочисленных народов Севера как объекта исследования. В Якутии коренные малочисленные народы Севера – это общее обозначение таких этнических сообществ, как эвены, эвенки, долганы, юкагиры, чукчи. Законодательно устанавливается, что коренные малочисленные народы – это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и ст. 1 Закона РС(Я) от 31 марта 2005 года 227-З № 461-III «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера»). Данная правовая норма сегодня играет важную роль в социальной практике и выступает платформой по дальнейшему конструированию основ устойчивого развития такой социальной группы, как коренные малочисленные народы. В этой связи, уникальность и существование группы «коренные малочисленные народы России» связаны с поддержанием параллели и взаимосвязи «коренные малочисленные народы» – «территория традиционного расселения» – «традиционный образ жизни» – «традиционная хозяйственная деятельность», которые законодательно определены на федеральном и региональном уровне, а также посредством ограничения состава таких этнических сообществ, прежде всего, в количестве. Малочисленные народы Севера могут пользоваться всей широтой своих особых прав исключительно в рамках территорий традиционного расселения, которые устанавливаются законодательно и могут быть изменены. Законодательные «ограничения» в определении правового статуса «коренные малочисленные народы Севера», направленные на формирование и закрепление уникальных социальных «правил» существования групп людей, признающих себя коренными малочисленными народами, в то же время имеют слабые механизмы по повышению уровня и качества жизни самих этих народов. Более того, на практике наблюдаются противоречивые тренды, имеющие в правовом плане не вполне целостные и системные механизмы регулирования, отвечающие интересам всех участников общественного процесса. Так, например, на фоне сохранения уникального образа жизни малочисленных народов, территории их традиционного проживания, обладая уникальными природными запасами, вызывают большой интерес со стороны промышленного бизнеса, что порождает массу неразрешенных вопросов, отражающихся на жизни малочисленных народов, остающихся в «гордом одиночестве» с экологическими, демографическими и социальными проблемами. Так, например, гарантируя им право на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, нет федерально установленной нормы и механизма по обязательному проведению этнологической экспертизы при освоении природных ресурсов в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов России.

В целом, при изучении коренных малочисленных народов Севера Якутии выделяется ряд «реперных точек», определяющих специфику их жизни:

– правовой статус и в целом проблемы развития территорий традиционного проживания (далее ТТП) и их полномочия (например, отсутствие ТТП в перечне особо охраняемых территорий не позволяет полноправно взаимодействовать с промышленными компаниями, поднимается вопрос о соотношении прав местного самоуправления и ТТП малочисленных народов и т. д.) [Борисов и Борисова, 2019; Гоголев, 2014; Саввинова и др., 2018];

– состояние и сохранение традиционных видов хозяйствования в Якутии (данный аспект рассмотренно рассматривается и затрагивает такие проблемы, как сокращение пастбищ, деградация почв в результате промышленного освоения, климатические изменения; проблемы привлечения в профессию, материальная привлекательность и обеспечение деятельности; оценка форм хозяйствования при ведении оленеводства, рыболовства, охотничьего промысла) [Неустроева и др., 2020; Самсонова и др., 2017];

– социально-демографические особенности положения коренных малочисленных народов (малочисленность в общем национальном составе народов России и Якутии на фоне роста общего показателя численности всех групп малочисленных народов в Якутии; высокий уровень смертности среди малочисленных народов; рост безработицы; гендерная специфика миграции, занятости, брачности, деторождения, образовательных стратегий и т. д.) [Баишева, 2020; Бурцева и др., 2008; Мостахова, 2015; Попова, 2010а; Тобуков, 2019; Томаска, 2015];

– сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов (данный вопрос, прежде всего, связан с проблемой промышленного освоения в местах ТТП и значимостью фиксации историко-культурных объектов, а также с усилением актуальности вопроса об этнотуризме, агротуризме) [Кулаковский и Винокурова, 2012; Филиппова, 2020];

– этническая идентичность коренных малочисленных народов (указывается на высокую значимость этнической идентичности у малочисленных народов и наличие стратегии интеграции в условиях поликультурной среды, но в то же время отмечается более низкий уровень гордости за свой народ, происходящая трансформация этнических маркеров у этих народов) [Абрамова и Гончарова, 2009; Васильева 2020; Шадрин, 2016];

– культурно-антропологические особенности современного развития коренных малочисленных народов (указывается на значимость северности, циркуполярности и «вплетение» этих факторов в образ жизни народов, на проблемы разрыва поколений вследствие перевода на оседлый образ жизни, сохранения экологического этикета) [Варавина, 2019; Попова, 2010б; Романова и др., 2021; Lewis, 2021];

– взаимодействие коренных малочисленных народов с органами государственной власти, промышленниками (в частности, ставится вопрос о расширении механизмов взаимодействия, об обязательном заключении соглашений о социальной поддержке с органами местного самоуправления, родовыми общинами, направленными на устойчивое развитие, сохранение культуры и исконной среды обитания малочисленных народов при реализации промышленных проектов в местах ТТП, об обязательном проведении оценки воздействия на этнологическую среду при намечаемой промышленной разработке в местах ТТП) [Астахова, 2011; Астахова, 2018; Игнатьева, 2018; Охлопков, 2015];

– положение языков коренных малочисленных народов не соответствует статусу родного языка (наблюдается стабильное снижение числа говорящих на родных языках, утрата языковой среды в семьях, сужается область функционирования, так, например, сегодня областью применения эвенкийского языка остаются культурные традиции, верования, традиционные промыслы и занятия, национальная кухня и национальная одежда; поднимаются вопросы создания аудиовизуального фонда языков малочисленных народов, внедрения новых методик обучения родному языку) [Стручков, 2019; Шарина, 2019; Варламов, 2019; Проблемы и перспективы развития ..., 2019];

– низкий уровень жизни, качество жизни в арктических районах Якутии, местах ТТП (повышение уровня и качества жизни населения сдерживают такие показатели, как: сравнительно невысокая оплата труда, относительно высокая безработица, более дорогая потребительская корзина прожиточного минимума, высокая стоимость проезда в отпуск и к месту лечения, транспортная недоступность, слабая материальная база социальных учреждений и т. д.) [Васильева и Маклашова, 2018; Коренные малочисленные народы ..., 2019; Этносоциальные процессы в Якутии ..., 2020].

Аудит правовых норм и научных данных по адаптации коренных малочисленных народов позволяет определить, что уровень их социального самочувствия во многом взаимосвязан и обусловлен степенью устойчивости и / или изменений состояния таких факторов, как язык, территория проживания (земля, природа), культура, традиции и обычаи, традиционный образ жизни, родовая община, традиционная хозяйственная деятельность, социальное обеспечение, этническая идентичность, экология территорий проживания. По нашему мнению, включение вышеобозначенных элементов как дополнительных индикаторов социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера поможет зафиксировать восприятие особого статуса, особых условий жизни и их влияния на личность / группу в контексте современных социокультурных процессов, что, в конечном счете, позволит определить специфику устойчивого развития коренных малочисленных народов.

Этнокультурный акцент и этнокультурные индикаторы изучения социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера. В отечественной историографии можно выделить три ключевых среза изучения социального самочувствия населения: философско-ценностный, психологический и назовем обобщенно третий срез как социально-коммуникативный. В первом случае акцент делается на нравственных аспектах бытия, во втором – на эмоциональных, личностных, в третьем – на оценке места и роли личности / группы в общественной системе взаимоотношений. Сложилась и теоретизированные представления о прямой зависимости социального самочувствия и социального действия, о взаимосвязи благополучия, материального положения и социального самочувствия и т. д. В результате изучения социальных взаимосвязей в российском обществе утвердились концепты, согласно которым уровень социального самочувствия связывается с: 1) готовностью населения к активным политическим действиям; 2) качеством жизни (уровнем жизни); 3) жизненными ценностями и целями; 4) выбором стратегией адаптации. Наше исследование выстраивается на предположении о взаимосвязи между социальным самочувствием коренных малочисленных народов Севера, этнокультурной идентичностью и устойчивостью миноритарных этнических сообществ. В этой связи, на основе результатов анализа особенностей статуса, жизнедеятельности

и специфики адаптации малочисленных народов Севера в современных условиях предлагается концепт взаимосвязи социального самочувствия с состоянием духовно-культурной сферы, составляющей, наполняющей и определяющей единство, уникальность и устойчивость народа. Более того, этнокультурный акцент (в последствии и концепт) изучения социального самочувствия в особенности актуален для полиэтнических территорий, регионов, стран, где культурному многообразию уделяется важное значение. По нашему мнению, историческое совместное проживание народов и сформированная культурная и социальная взаимосвязь между ними должны учитываться и измеряться при изучении социального самочувствия этнокультурных сообществ полиэтнических регионов и стран.

Итак, подчеркнем, что изучение социального самочувствия коренных малочисленных народов должно базироваться, прежде всего, на этнокультурной, духовно-культурной составляющей существования данных групп. В результате, основываясь на интегральной концепции и многофакторном характере социального самочувствия, содержание показателей социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера должно включать эмоциональный, социально-экономический и этнокультурный срезы, позволяющие определить уровень устойчивости миноритарных народов Якутии. В рамках изучения социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера нами введен комплекс характеристик, фиксирующих уровень устойчивости, адаптивности, состоящий из анализа:

– эмоционального настроения индивида, включающего индикаторы оценки удовлетворенности своей жизнью и уверенности в будущем, которое, с учетом этнокультурного концепта, должно быть дополнено оценкой чувства собственного достоинства как представителя особой этнической группы, гордости за свой народ;

– социально-экономического состояния, включающего индивидуальную (личностную) оценку уровня жизни, прежде всего, материального положения, состояния здоровья, правовых возможностей и т. д., и в целом окружающей среды: от качества и доступности инфраструктуры населенного пункта до социально-экономического развития района, региона, страны и в рамках этнокультурного концепта дополненного индикаторами экологического благополучия;

– духовно-культурного состояния, которое, по нашему мнению, обязательно должно выделяться в отдельную группу индикаторов, позволяющих определить устойчивость этногруппы, а именно таких, как: определение значимости этнических маркеров (языка, истории, территории, культуры, обычаев и традиций, традиционного образа жизни, традиционного хозяйства), их ценности для индивидов (что позволит установить степень сохранения этнической сплоченности и этнического сообщества), оценка государственной политики по этнокультурному развитию малочисленных народов и состоянию межнациональных отношений, личностное участие в сохранении особого статуса и особого образа жизни уникального этнического сообщества, а именно: оценка роли родовой общины и участие в ней, соблюдение культурных обычаев, использование языка, традиционных знаний в повседневной практике и т. д.

О преимуществах методологии и заключение. Безусловно, на международном уровне разработаны индикаторы оценки устойчивости коренных народов, проживающих в мировом Арктическом пространстве. Для держав, именующих себя как Арктические, где признание

их принадлежности к арктической, циркумполярной цивилизации делает государства уникальными, ценными и привлекательными, сохранение культуры и социальное развитие арктических народов имеет ключевое значение. В международном концепте изучения устойчивости арктических народов сплетены экономические, политические, культурные индикаторы, где сохранение баланса природы и человека является основой будущности арктических государств. Так в Докладе о социальных индикаторах Арктики обозначены шесть групп: управление судьбой народа, культурная целостность, взаимодействие с природой, материальное благополучие, образование, здоровье и демография [Nymand et al., 2010]. В целом эти шесть групп индикаторов весьма достаточны и показательны для описания места и роли арктических коренных народов в системе общественного развития государств. Так, например, группа «управление судьбой народа» включает такие элементы, как: доля земельных участков, находящихся в введении этнического сообщества, общины; доля участия представителей малочисленных народов в органах власти; доля говорящих на родном языке; удовлетворение малочисленных народов механизмами влияния на управление природными ресурсами. Однако их применение при изучении российской практики не вполне корректно и, скорее всего, даст невпечатляющий результат при оценке социального развития Российской Арктики. Несмотря на это, важным и отличительным признаком России является фактическое признание ее единственной Арктической державой, сохранившей традиционные знания и традиционный образ жизни малочисленных народов. Имеются и иные индикаторы оценки жизни традиционных сообществ, например те, что разрабатываются Всемирным Банком, но, соглашаясь с мнением отечественных ученых, они, опять-таки, не совсем корректны для оценки ситуации в политико-правовом, социальном и этнокультурном пространстве нашей страны [Новикова, Степанов, 2010]. Такие «коллизии» стали толчком для российских ученых в разработке индикаторов устойчивости, качества жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Тем не менее, единых подходов так и не удалось выработать из-за наличия весьма дифференцированных социально-экономических условий развития арктических территорий России, влияющих на положение коренных малочисленных народов России.

Многолетние результаты научных исследований в отношении коренных малочисленных народов Севера, прежде всего выполненных коллегами из ИГиПМНС СО РАН, позволили скорректировать социологическую методологию изучения социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера как уникальных миноритарных этнических групп России, дополнить индикаторы социального самочувствия духовно-культурной группой показателей, являющихся, как свидетельствуют результаты исследований якутских ученых, платформой для дальнейшего существования таких миноритарных групп. Так, практически в каждой публикации прослеживается мысль о высокой зависимости состояния и будущности коренных малочисленных народов Севера от сохранения особого кочевого образа жизни, традиционных знаний и обычаев почитания природы; от этнокультурного воспитания, возрождения языка. Например, сегодня оленеводство рассматривается уже как этнообразующий фактор как в науке, так и в управлении. В итоге, в ходе разработки методологии изучения социального самочувствия установлена ее значимость для оценки стабильности полиэтнических

сообществ; определено, что этнокультурный срез социального самочувствия в условиях государственной поддержки этнокультурного многообразия и особого правового статуса коренных малочисленных народов является обязательным и ключевым, влияющим и отражающим их социальное самочувствие.

Кроме того, доработанная методология изучения социального самочувствия этнических сообществ, этносов позволит дополнить методологию разрабатываемой сегодня в Якутии системы мониторинга устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, индикаторов оценки воздействия на этнологическую среду хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания коренных народов, и проверить интерпретацию устойчивости социокультурного развития коренных малочисленных народов в контексте поддержки этнических маркеров солидаризации, особого статуса и образа жизни северных миноритарных народов.

Список литературы / References

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С. (2009). Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии. *Социологические исследования*. № 3 (299). С. 108-114.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2009). Acculturation strategies of the student youth of Yakutia. *Sociological Studies*. no. 3 (299). pp. 108-114. (In Russ.)

Астахова, И. С. (2011). Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия на примере Республики Саха (Якутия). *Арктика и Север*. № 3. С. 88-95.

Astakhova, I. S. (2011). Power and indigenous peoples of the North: experience of interaction: the case of the Sakha Republic (Yakutia). *Arctic and North*. no. 3. pp. 88-95. (In Russ.)

Астахова, И. С. (2018). Отношение населения к новым проектам промышленного освоения (на примере этнологических экспертиз в Оленекском районе РС(Я)). *Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях*. Сборник научных статей. Якутск. С.63-74.

Astakhova, I. S. (2018). The attitude of the population to new projects of industrial development (on the example of ethnological expertise in the Olenek district of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Arctic and North in Modern Humanitarian Research*. Yakutsk. pp. 63-74. (In Russ.)

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. (2016). М.

Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems. (2016). Moscow. (In Russ.)

Баишева, С. М. (2020). Устойчивость и уязвимость современного развития коренных малочисленных народов Севера Якутии. *Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития*. Якутск. С. 108-129.

Baisheva, S. M. (2020). Stability and vulnerability of modern development of the Indigenous peoples of the North of Yakutia. *Ethno-social Processes in Yakutia: Modern Perspective and Development Prospects*. Yakutsk. pp. 108-129. (In Russ.)

Борисов, В. Д., Борисова, Т. Д. (2019). Оценка взаимоотношений коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний на территориях традиционного природопользования Республики Саха (Якутия). *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология*. № 3 (15). С. 25-35.

Borisov, V. D., Borisova, T. D. (2019). Assessment of the relationship between the indigenous small-numbered peoples of the North and mining companies in the territories of traditional nature management of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. no. 3 (15). pp. 25-35. (In Russ.)

Бурдьё, П. (1993). *Социология политики*. М.

Bourdier, P. (1993). *Sociology of Politics*. Moscow. (In Russ.)

Бурцева, Т. Е., Уварова, Т. Е., Макарова, Н. В., Томский, М. Н. (2008). Динамика современных демографических и медико-демографических процессов у коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). *Дальневосточный медицинский журнал*. № 2. С. 112-114.

Burtseva, T. E., Uvarova, T. E., Makarova, N. V., Tomskiy, M. N. (2008). The dynamics of modern demographic, medical and demographic processes in the indigenous small in numbers people of the North of the Republic of Sakha (Yakutia). *Far East Medical Journal*. no. 2. pp. 112-114. (In Russ.)

Васильева, О. В. (2020). *Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ*. Якутск.

Vasilyeva, O. V. (2020). *Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis*. Yakutsk. (In Russ.)

Васильева, О. В., Маклашова, Е. Г. (2018). *Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии*. Якутск.

Vasilyeva, O. V., Maklashova, E. G. (2018). *Youth of the Arctic: Identities and Life Strategies*. Yakutsk. (In Russ.)

Варавина, Г. Н. (2019). Символика реки и водная этика коренных народов Якутии (на примере эвенов). *Общество: философия, история, культура*. № 8 (64). С. 159-161.

Varavina, G. N. (2019). Symbolism of the river and water ethics of the indigenous people of Yakutia (a case of the evens). *Society: Philosophy, History, Culture*. no. 8 (64). pp. 159-161. (In Russ.)

Варламов, А. Н. (2019). Перспектива применения методики «языкового гнезда» для сохранения эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия). *Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики*. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Т. 1. Якутск. С. 354-356.

Varlamov, A. N. (2019). The prospect of using the “linguistic nest” methodology for the preservation of the Evenk language in the Republic of Sakha (Yakutia). In *Indigenous Languages as a Factor of Sustainable Development of the Arctic*. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Vol. 1. Yakutsk. pp. 354-356. (In Russ.)

Гидденс, Э. (2005). *Социология*. М.

Giddens, E. (2005). *Sociology*. Moscow. (In Russ.)

Гоголев, П. В. (2014). Местное самоуправление и этническая самоорганизация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: перспективы взаимодействия. *Юридическая мысль*. № 3 (83). С. 86-95.

Gogolev, P. V. (2014). Local self-government and ethnic self-organization of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia: prospects for interaction. *Yuridicheskaya Mysl*. no. 3 (83). pp. 86-95. (In Russ.)

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. (2013). М.

Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow. (2013). Moscow. (In Russ.)

Горшков, М. К., Тихонова, Н. Е. (2013). *ИНАБ № 1 – 2013. Социокультурные факторы консолидации российского общества*. М.

Gorshkov, M. K., Tikhonova, N. E. (2013). *INAB № 1 – 2013. Socio-cultural Factors of Consolidation of the Russian Society*. Moscow. (In Russ.)

Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.

Durkheim, E. (2018). *Elementary Forms of Religious life: Australia's totem System*. Moscow. (In Russ.)

Епихина, Ю. Б., Черныш, М. Ф., Сушко, П. Е., Шилова, В. А., Лысухо, А. С. (2020). *Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования*. М.

Epichina, Y. B., Chernysh, M. F., Sushko, P. E., Shilova, V. A., Lysuho, A. S. (2020). *Information and Analytical Bulletin (INAB). No. 1. Subjective and Objective Well-being in Modern Russian Society: The Results of Empirical Research*. Moscow. (In Russ.)

Игнатьева, П. М. (2018). Промышленное освоение Южной Якутии на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Нерюнгринского района. *Международный научный журнал Интернаука*. Т. 1. № 7 (47). С. 27-29.

Ignatieva, P. M. (2018). Industrial development of Southern Yakutia in territories of traditional nature management of indigenous peoples of the Neryungri district. *International Scientific Journal Internauka*. Vol. 1. no. 7 (47). pp. 27-29. (In Russ.)

Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе. Сборник научных статей. (2019). Якутск. [Электронный ресурс]. URL: <https://> (дата обращения: 10.05.2023).

Indigenous Peoples of the Russian Federation: Problems, Priorities and Development Prospects in a Transforming Society. Collection of Articles. (2019). Yakutsk. [Online]. Available at: <https://> (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Корнилова, М. В. (2015). Социальное самочувствие: понятие и основные показатели. *Евразийское научное объединение*. Т. 2. № 3. С. 135-138.

Kornilova, M. V. (2015). Social well-being: concept and key indicators. *Eurasian Scientific Association*. Vol. 2. no. 3. pp. 135-138. (In Russ.)

Кулаковский, Г. П., Винокурова, Л. И. (2012). Традиционные занятия коренного населения и сельское предпринимательство в Якутии. *Региональная экономика: теория и практика*. № 17. С. 21-26.

Kulakovsky, G. P., Vinokurova, L. I. (2012). Traditional employment of aboriginal population and rural business in Yakutia. *Regional Economics: Theory and Practice*. Vol. 20 no. 17. pp. 21-26. (In Russ.)

Малахов, В. С. (2014). *Национализм как политическая идеология*. М.

Malakhov, V. S. (2014). *Nationalism as a Political Ideology*. Moscow. (In Russ.)

Мостахова, Т. С. (2015). Проблемы локализации этносов коренных малочисленных народов севера и хозяйственной деятельности. *Природопользование в Арктике: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов I международной научно-практической конференции*. Якутск. С. 381-388.

Mostakhova, T. S. (2015). Problems of localization of ethnic groups of the indigenous small-numbered peoples of the north and economic activity. In *Management of Nature Resources in the Arctic: Current State and Development Prospects*. Collection of Scientific Papers of the 1-st International Scientific-practical Conference. Yakutsk. pp. 381-388. (In Russ.)

Наливкина, Н. В. (2006). Демократические переходы и неудача демократического транзита России. [Электронный ресурс]. *Вестник ТГПУ*. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokraticheskie-perehody-i-neudacha-demokraticeskogo-tranzita-rossii> (дата обращения: 20.04.2023).

Nalivkina, N.V. (2006). Democratic transitions and failure of the democratic transition of Russia. [Online]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. no.12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokraticheskie-perehody-i-neudacha-demokraticeskogo-tranzita-rossii> (Accessed: 20 April 2023). (In Russ.)

Неустроева, А. Б., Самсонова, И. В., Малышева, М. С., Семенова, Л. А. (2020). Современное положение традиционных хозяйств коренных малочисленных северных народов в Республике Саха (Якутия). *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 23. № 3. С. 220-245.

Neustroeva, A. B., Samsonova, I. V., Malysheva, M. S., Semenova, L. A. (2020). The current position of traditional farms of indigenous small-numbered northern peoples in the Republic of Sakha (Yakutia). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. no. 3. pp. 220-245. (In Russ.)

Новикова, Н. И., Степанов, В. В. (2010). Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области. *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Вып. 217. М.

Novikova, N. I., Stepanov, V. V. (2010). Indicators of the quality of life of the indigenous small peoples of the North Sakhalin region. *Research on Applied and Urgent Ethnology*. Vol. 217. Moscow. (In Russ.)

Охлопков, В. Е. (2015). Инновационные аспекты взаимодействия при промышленном освоении территорий традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера. *Успехи современной науки и образования*. № 2. С. 156-164.

Okhlopov, V. E. (2015). Innovative aspects of cooperation under the industrial development of the territories of traditional management of the indigenous minorities of the North. *Successes of Modern Science and Education*. no. 2. pp. 156-164. (In Russ.)

Парсонс, Т. (2008). Социальные системы. *Вопросы социальной теории*. Т. II. Вып. 1 (2). С. 38-71.

Parsons, T. (2008). Social Systems. *Social Theory Issues*. Vol. II. no. 1 (2). pp. 38-71. (In Russ.)

Попова, А. Г. (2010а). Расселение, численность и миграция коренных малочисленных народов Севера Якутии. *Стратегия устойчивого развития регионов России*. № 4. С. 196-201.

Popova, A. G. (2010а). Resettlement, number and migration of indigenous peoples of the North of Yakutia. *Strategy for Sustainable Development of Russian Regions*. no. 4. pp. 196-201. (In Russ.)

Попова, А. Г. (2010б). Традиции коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации. *Система ценностей современного общества*. № 15. С. 168-173.

Popova, A. G. (2010б). Traditions of the indigenous peoples of the North of Yakutia in the context of globalization. *System of Values of Modern Society*. no. 15. pp. 168-173. (In Russ.)

Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук Петра Алексеевича Слепцова. (2019). Якутск. [Электронный ресурс]. URL: <https://> (дата обращения: 10.05.2023).

Problems and prospects for the development of national literary languages in Russia. Materials of the Scientific and Practical Conference. (2019). Yakutsk. [Online]. Available at: <https://> (Accessed: 10 May 2023). (In Russ.)

Романова, Е. Н., Игнатьева, В. Б., Алексеева, Е. К. (2021). Модус многодорожья в жизненной стратегии коренных малочисленных народов Севера Якутии. *Уральский исторический вестник*. № 2 (71). С. 118-126.

Romanova, E. N., Ignatieva, V. B., Alekseeva, E. K. (2021). The multi-road modus in the life strategy of indigenous minorities of the North of Yakutia. *Ural Historical Journal*. no. 2 (71). pp. 118-126. (In Russ.)

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. (2017). М.

Russia: Reforming the Power-management Vertical in the Context of the Problems of Socio-cultural Modernization of the Regions. (2017). Moscow. (In Russ.)

Саввинова, А. Н., Филиппова, В. В., Федорова, А. С., Фондал, Г. (2018). Картографирование экологических проблем на территориях традиционного землепользования коренных малочисленных народов Севера в Южной Якутии. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Науки о Земле*. № 4 (12). С. 37-43.

Savvinova, A. N., Filippova, V. V., Fedorova, A. S., Fondal, G. (2018). Mapping of environmental problems in the territories of traditional land use of the indigenous peoples of the north in South Yakutia. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. no. 4 (12). pp. 37-43. (In Russ.)

Самсонова, И. В., Неустроева, А. Б., Павлова, М. Б. (2017). Взаимоотношения коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний (на материалах Мирнинского района Республики Саха (Якутия)). *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. № 3 (13). С. 21-33.

Samsonova, I. V., Neustroeva, A. B., Pavlova, M. B. (2017). The relationship between the indigenous small-numbered peoples of the north and mining companies (based on materials from the Mirninsky district of the Republic of Sakha (Yakutia)). *The Arctic XXI century. Humanities*. no. 3 (13). pp. 21-33. (In Russ.)

Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект. (2011). М. СПб.

Social Well-being of the Population under Reforms: Regional Aspect (2011). Moscow. St. Petersburg. (In Russ.)

Стручков, К. Н. (2019). К вопросу о функциях эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия). *Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Сборник материалов международной научно-практической конференции*. Т. 1. Якутск. С. 224-227.

Struchkov, K. N. (2019). To the question of functions of the Evenk language in the Republic of Sakha (Yakutia). In *Indigenous Languages as a Factor of Sustainable Development of the Arctic*. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Vol. 1. Yakutsk. pp. 224-227. (In Russ.)

Тишков, В. А. (2001). *Этнология и политика. Научная публицистика*. М.

Tishkov, V. A. (2001). *Ethnology and Politics. Scientific Journalism*. Moscow. (In Russ.)

Тобуков, П. З. (2019). Коренные малочисленные народы Якутии: проблемы существования и образования. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия*. № 1 (13). С. 39-45.

Tobukov, P. Z. (2019) The small-numbered Indigenous peoples of Yakutia: the problems of existence and education. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. no. 1 (13). pp. 39-45. (In Russ.)

Томаска, А. Г. (2015). Демографические факторы социальной адаптации учащихся – сельских мигрантов коренных малочисленных народов Севера (на примере Республики Саха (Якутия)). *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. Т. 8. № 1. С. 141-146.

Tomaska, A. G. (2015). Demographic factors of social adaptation of rural migrant students of indigenous ethnic minorities of the North (the Sakha (Yakutia) Republic). *Oriental Studies*. Vol. 8. no. 1. pp. 141-146. (In Russ.)

Тощенко, Ж. Т. (1998). Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики. *Социологические исследования*. № 1. С. 21-35.

Toshchenko, J. T. (1998). Social Mood is a phenomenon of modern sociological theory and practice. *Sociological Research*. no. 1. pp. 21-35. (In Russ.)

Филиппова, В. В. (2020). Картографирование объектов историко-культурного наследия в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера Якутии. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Науки о Земле*. № 1 (17). С. 21-26.

Filippova, V. V. (2020). Mapping of historical and cultural heritage sites in places of traditional residence of indigenous peoples of the North of Yakutia. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Earth Sciences*. no. 1 (17). pp. 21-26. (In Russ.)

Шадрин, В. И. (2016). Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия)). *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. № 4 (10). С. 132-144.

Shadrin, V. I. (2016). Transformation of ethnic identity of indigenous peoples of the north of Yakutia in the context of globalization (on example of the Yukaghirs of the Republic of Sakha (Yakutia)). *The Arctic XXI century. Humanities*. no. 4 (10). pp. 132-144. (In Russ.)

Шарина, С. И. (2019). Фиксация и документация языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). *Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики*. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Т. 1. Якутск. С. 346-348.

Sharina, S. I. (2019). Recording and documentation of the languages of the indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia). In *Indigenous Languages as a Factor of Sustainable Development of the Arctic*. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Vol. 1. Yakutsk. pp. 346-348. (In Russ.)

Штомпка, П. (2001). Понятие социальной структуры: попытка обобщения. *Социологические исследования*. № 9. С. 3-13.

Stumpka, P. (2001). The concept of social structure: an attempt to generalize. *Sociological Research*. no. 9. pp. 3-13. (In Russ.)

Ядов, В. А. (2003). Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии. *Социологический журнал*. № 3. С. 5-19.

Yadov, V. A. (2003). Opportunities to combine theoretical paradigms in sociology. *Sociological Journal*. no. 3. pp. 5-19. (In Russ.)

Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. (2020). Якутск.

Ethno-Social Processes in Yakutia: Modern Perspective and Development Prospects. (2020). Yakutsk. (In Russ.)

Lewis, D. C. (2021). Ethnicity and Values. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 100-114.

Nyman, L. J., Schweitzer, P., Fondahl, G. (2010). *Arctic Social Indicators – A follow-up to the Arctic Human Development Report. Documentation*. Nordic Council of Ministers. [Online]. Available at: <http://library.arcticportal.org/712/> (Accessed: 01 June 2023).

Сведения об авторе / Information about the author

Маклашова Елена Гавриловна – доктор социологических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: maklashova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023

После доработки: 12.06.2023

Принята к публикации: 20.06.2023

Maklashova Elena – Doctor of Social Sciences, Deputy Director, Leading Researcher of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Petrovskaya str., 1, e-mail: maklashova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>

The paper was submitted: 15.05.2023

Received after reworking: 12.06.2023

Accepted for publication: 20.06.2023

УДК 321.01

О ХАРТЛЕНДЕ И РОЛИ РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. На основе работ отечественных и зарубежных авторов показана связь географии и истории развития государств. Выделено геополитическое значение Евразии и евразийской «опорной территории». Определена роль России в теории «оси» Маккиндера. Сделан исторический обзор факторов российской вестернизации. Представлены причины обращения к азиатскому вектору. Территориально-географические предпосылки и накопленный культурно-исторический задел рассмотрены как потенциал для межгосударственного сотрудничества и посреднической роли России в Евразии.

Ключевые слова: географический фактор, хартленд, геополитика, евразийское сотрудничество.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2023). О хартленде и роли России в евразийском пространстве. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С.76-83. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.76-83

ABOUT THE HEARTLAND AND THE ROLE OF RUSSIA IN THE EURASIAN SPACE

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. Based on the works of domestic and foreign authors, the connection between geography and the history of the development of the state is shown. The geopolitical significance of Eurasia and the Eurasian «supporting territory» is highlighted. The place of Russia in Mackinder's «axis» theory is shown. A historical review of the factors of Russian Westernization is made. The reasons for turning to the Asian vector are presented. Territorial and geographical prerequisites and the accumulated cultural and historical background are considered as a potential for interstate cooperation and Russia's mediating role in Eurasia.

Keywords: geographic factor, heartland, geopolitics, Eurasian cooperation.

For citation: Solodova, G. S. (2023). About the Heartland and the Role of Russia in the Eurasian Space. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 76-83. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.76-83

Сегодняшняя ситуация кардинально отличается от той, что была во второй половине XX и начале XXI вв. Мир претерпевает коренную перестройку и реструктуризацию. Происходит изменение геополитического баланса, меняются роли региональных и глобальных факторов международной политики. Партнерские отношения приобретают большую подвижность и гибкость. Многие государства стоят перед геополитическим выбором, хотя, заметим, не у многих из них есть реальные варианты такого выбора.

Выглядевшие неоспоримыми и незыблемыми глобальные экономические взаимозависимости оказались не безальтернативными. Появились новые влиятельные геополитические игроки. Меняются стратегии и партнерские приоритеты, происходит переориентация международных контактов. Крайне важным в этих условиях оказывается поиск факторов и ресурсов, способствующих взаимодействию российского и евразийского экономического и социокультурного пространств.

Несмотря на научный и технологический прогресс, природно-географический фактор сохраняет свое значение, влияет на настоящее и будущее распределение международного влияния. Понимание его роли дает возможность более глубокой интерпретации происходивших и происходящих событий. Вопреки постмодернистскому сдвигу и появлению в конце 80-х гг. критической геополитики как альтернативы и способа оппонирования классическому географическому детерминизму, фактор географического пространства продолжает реализовываться в реальных политических практиках [Окунев, 2012, с. 152-158]. Сила государства во многом определяется географическими преимуществами, зависит от географического положения – континентального или морского. География служит основой для разработки геополитических стратегий и, как пишет Каплан, «чем больше мы уважаем карты, тем меньше мы делаем ошибок, не только принимая решения, когда вмешиваться, а когда не стоит этого делать, но и планируя военные операции, когда все-таки решим принять участие в конфликте» [Каплан, 2015, с. 19]. Учет и грамотное использование «вневременных» географических условий может служить инструментом в решении государственно-политических задач. И климат, и рельеф, и удаленность от морей влияют на менталитет народов и на геополитику страны. Главное утверждение статьи английского геолога и естествоиспытателя Джеймса Брайса «География в ее отношении к истории» состоит в том, что «человек в значительной степени является “творением окружающей среды”» [Маккиндер, 2021, с. 8].

Отцом современной геополитики считают британского географа и историка Хэлфрода Маккиндера (1861–1947), который полагал, что рациональная политическая география невозможна, если она «не опирается на физическую географию и не является ее следствием» [Маккиндер, 2021, с. 9]. С известной долей завершенности можно попытаться установить «связь между широкими географическими и историческими обобщениями». Выявление зависимостей, каузальных связей и даже формулы может помочь «вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политики» [Там же, с. 162-169]. В 1904 г. Маккиндер предложил теорию «оси» или концепцию евразийской «опорной территории». Это часть евразийского континента, которая включает в том числе Сибирь и большую часть Средней Азии. Границы опорной, осевой территории в дальнейшем менялись, однако во всех вариантах присутствует большая или меньшая часть Советского Союза, России. По мнению Маккиндера, евразийский «хартленд», является «географической осью» истории, основанием судеб мировых империй. Само понятие «хартленд» введено позднее (в 1915 г.) другим британским географом Дж. Фэйгивом.

Идея хартленда получила целевое развитие в «шахматной доске» Збигнева Бжезинского. После того, «как приблизительно 500 лет назад континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества ... Превосходство над всем Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства». Рассматривая евразийское пространство с точки

зрения американских интересов, Бжезинский пишет, что жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросить вызов Америке. По словам автора, «формулирование всеобъемлющей и последовательной евразийской геостратегии» стало целью книги, что только подчеркивает важность хартленда [Бжезинский, 1998, с. 2-26].

Работа Маккиндера вышла более ста лет назад, книге Бжезинского более четверти века. Однако обращение к ним неслучайно. Теории Маккиндера и Бжезинского нужны для понимания евразийской геополитики, в них дано ее обоснование, задано направление. Заметим, что за прошедшее время роль хартленда, а если точнее, то его восточной и азиатской части, лишь выросла. Сегодня в Евразии расположены наиболее динамично развивающиеся государства. Это политически и экономически активный регион, средоточие существенной доли экономической, политической и военной мощи, мирового влияния в целом. На евразийском пространстве реализованы различные форматы торгово-экономического сотрудничества, среди которых Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Экономический пояс Шелкового пути и др. При определенных условиях некоторые из этих объединений могут стать влиятельными и самодостаточными игроками не только на материке.

Создание межгосударственных политических союзов на основе территориального соседства, географического фактора не является чем-то новым. Напомним, что еще до начала второй мировой войны Франция была обеспокоена снижением центральной роли Европы в мировой политике. Позже, во времена холодной войны, эта обеспокоенность трансформировалась в недовольство англосаксонским господством и американизацией европейской культуры. Проект подлинной Европы, по словам Шарля де Голля, «от Атлантики до Урала», должен был исправить это положение. Главная задача по созданию единой и независимой Европы могла быть решена объединением Европы под руководством Франции с одновременным и постепенным сокращением американского влияния. Позднее реализация Европейского проекта была осуществлена под руководством Германии, правда, уже с другим результатом.

Евразия – огромное пространство, на котором исторически пересекались, сталкивались разные религии, культуры. Большая территория и многокультурность затрудняют достижение согласия и единства в решении разных вопросов. Разные страны имеют разный политический вес и влияние. Однако это не отменяет потребности в поддержании стабильного евразийского мироустройства. Несмотря на соперничество, идея межгосударственного сотрудничества выглядит продуктивной и своевременной. В данном контексте хотелось бы подчеркнуть социокультурный и территориальный ресурс, которым обладает Россия. Страна остается самой большой территориальной державой не только на евразийском пространстве, но и в мире. Географическое положение и размер создают предпосылки для ее геополитического влияния. «Растянувшись от Европы до Дальнего Востока, Россия сама по себе, как никакая другая страна, является моделью Евразии ... и делает идею Евразии как единого континентального органичного целого довольно рациональной» [Каплан, 2015, с. 193].

Один из основателей классической школы геополитики Рудольф Челлен находил Россию «центральной фигурой планетарной выставки», поскольку она является сферой пересечения двух больших культурных миров: Западной Европы и Восточной Азии. В силу этого она более других стран (США изолированы двумя океанами и стоят целиком на стороне Западной Европы) подходит для посреднической роли в межгосударственных отношениях. Нюанс в том, что сама по себе большая территория – недостаточный геополитический фактор. Показателем роли государства является то, что ни один крупный международный вопрос не может решаться без учета его мнения.

Небольшой штрих из отечественной территориально-географической истории. На протяжении практически всего своего развития, Россия была хотя и крупным, но преимущественно сухопутным игроком. Данное обстоятельство являлось и является важнейшим историко-географическим фактором и реальностью. Отсутствие открытого выхода к незамерзающему морю обусловило масштабные последствия. Огромное северное побережье, безопасное с геополитических позиций, но почти постоянно скованное льдом и малопригодное для жизни, не давало необходимых для развития преимуществ. Страна не имела свободного выхода к морю и, по сравнению с соседями, была более уязвимой с экономической и военной точек зрения. Американский военно-морской теоретик и историк, автор нескольких книг «о влиянии морской силы на историю» Альфред Мэхэн (1840–1914), отмечал, что «сухопутные державы постоянно находятся под угрозой. Без моря, которое бы их защищало, такие государства всегда испытывают тревогу и беспокойство и должны постоянно расширять свои границы, дабы кто-то извне не напал на их собственную территорию. Особенно это справедливо для России, с ее бескрайними степями и равнинами, которые не представляют естественных границ и не могут серьезно защитить от вражеского вторжения» [Каплан, 2015, с. 176].

Решение проблемы безопасности находилось через присоединение территорий, государств – завоеванием или мирным путем. В принципе, «история народов – это история занятия земель, будь то взятие ранее свободных или завоевание тех, что принадлежали другим» [Филиппов, 2008, с. 649]. Однако любое продвижение имеет основания. Исходно славяне жили и спасались от внешних угроз в лесах, но набеги степняков-кочевников обусловили продвижение и захват степных пространств. В XIX в. – противостояние притязаниям наполеоновской Франции, британским интересам и господству в Афганистане и Средней Азии («Большая игра»). В то время как такие морские державы, как Франция и Британская империя, расширялись за счет заморских территорий, Россия двигалась по суше. Как пишет Каплан, превалировало «чувство незащищенности: незащищенности любой сухопутной державы, которая вынуждена нападать сама, разрастаясь во всех направлениях, чтобы не исчезнуть» [Каплан, 2015, с. 186].

Вновь обратимся к истории, теперь уже с акцентом на культуру, которая в данном случае похожа на спираль или маятник. В современном звучании Европа ассоциируется с ее западной частью и культурой, сформированной Римом. В более широком понимании европейская цивилизация ведет свое начало от христианских традиций. Соответственно,

«к христианской традиции Европы принадлежат также Византия и ее русское ортодоксальное ответвление». Таким образом, в плане культуры, Европа «является более объемным определением, нежели просто Западная Европа», хотя она узурпировала название «Европа» [Бжезинский, 1998, с. 53-54].

Образование российского государства проходило на территории Европы, на ее восточной, а затем и пограничной части. Вопрос о самоидентификации «народ христианский, следовательно, принадлежит к европейской семье» был неуместен и просто не возникал. Исходная связь со скандинавскими племенами «своих князей Киевская Русь получила из Скандинавии», тесные торговые и брачные связи князей и княжон, начиная с первого поколения Ярославичей, лишь подтверждают близость Руси с Западной Европой, даже с такими отдаленными странами, как Франция и Англия [Кончаловский, 1997, с. 645]. Совместно создается единое культурное поле. Разность ветвей христианского вероисповедания на данном этапе не являлась значимым фактором культурного и политического разъединения.

Следующий важный период российского цивилизационного становления – ордынский, завоевание Руси кочевыми племенами Азии. Следствием почти трехсотлетней зависимости от Золотой Орды с ее культурой, принципами военного и имперского управления стало разрушение домонгольского пласта русской культуры, заимствование монгольских практик и фактически полный разрыв связей с Западной Европой. Последнему способствовал рост «могущества Литвы и Польши, ставших стеной между Европой и Россией». Результат – «во внутреннем своем быту Московская Русь остановилась на ступени варварства» [Кончаловский, 1997, с. 645]. Монголо-татарское завоевание привело к смещению государственного строительства вглубь континента из Киева на север и восток в Новгород, Смоленск, Москву.

Мощное движение в сторону цивилизационно более развитой Европы было предпринято Петром I. Оно обуславливалось необходимостью экономического развития, потребностью в освоении научных и технических достижений. Целью европейского вектора было стремление Петра I сделать Россию великой державой и игроком мировой политической жизни, которая в то время концентрировалась в Европе. Европейский статус России в дальнейшем был официально закреплен Екатериной II в 1767 г. в «Наказе комиссии о сочинении проекта нового Уложения», в котором говорилось, что «Россия есть европейская держава».

Словами Пушкина, Петр I стремился «в Европу прорубить окно», но как пишет историк Д. П. Кончаловский (1878–1952), «образовавшаяся между ней и Россией стена продолжала стоять». Русские «одновременно и принадлежали к Европе в общей противоположности их Исламу и Востоку, и сами представляли противоположность Европе, как последователи византийского православия перед лицом римского католицизма» [Кончаловский, 1997, с. 645-647]. Несмотря на активные и многократные попытки быть принятыми, стать частью западной цивилизации, двойственность и настороженность не исчезли: «европейцы в России быстро и повально русели, а русские все никак не европеизировались». Более того, слова того же Александра Сергеевича в обращении к Европе «Зачем анафемой грозите вы России?»

ныне приобрели лишь большую очевидность. На сегодня можно констатировать «завершение эпического путешествия России на Запад», прекращение попыток «породниться с “хорошей семьей” европейских народов». «При внешнем подобии русской и европейской культурных моделей, у них несхожие софты и неодинаковые разъемы. Составиться в общую систему им не дано» [Сурков, 2018].

Вместо заключения – смена векторов

От активного сближения и вестернизации до прямой конфронтации с Западом – так можно охарактеризовать сегодняшнюю ситуацию. Геополитические обстоятельства задают восточный, азиатский разворот. Это не означает, что нас там очень ждут и что с восточными, азиатскими соседями отношения носили исключительно мирный и добрососедский характер. Тем не менее, восточное и азиатское направления евразийского сотрудничества оказываются наиболее перспективными. Возможно, таковыми они были и раньше, просто это было неочевидным.

Российский интерес к евразийскому, а точнее азиатскому, сотрудничеству прозаичен и прагматичен – Россия несет экономические и технологические потери от санкций, в целом от ухудшения отношений с Западом. Страна должна увеличить внутреннюю устойчивость и жизнеспособность. Для этого ей нужны партнеры, межгосударственные союзы, структуры и организации. Наиболее логично выстраивание добрососедских и взаимовыгодных отношений с соседними государствами. В этих условиях азиатско-восточное сотрудничество – это новый фактор и ресурс для экономического укрепления и политической мощи. Больше внимание к восточным регионам обращено и во внутренней политике страны. Согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» именно азиатской части России уделено особое внимание – опережающие среднероссийские показатели социально-экономического развития и достижение устойчивого прироста численности населения, постоянно проживающего на территории, в частности, Дальнего Востока.

Создавшаяся международная ситуация может послужить толчком для дальнейшего развития евразийского сотрудничества. Однако экономическое и политическое сотрудничество на евразийском пространстве возможно только в условиях внутреннего доверия, видения созидательных перспектив и своих точек роста. Задача – определить контуры потенциальных изменений и в соответствии с ними выстроить векторы межгосударственных объединений.

И еще один очень маленький, но существенный аспект: «Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей – с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея от своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая» [Герцен, 1958, с. 134]. Это выдержка из написанного А. И. Герценом в 1856 г. произведения «Былое и думы».

Вопрос в том, произойдет ли сегодня психологический отказ от европейской зависимости, выработается ли новая или припомнится прежняя идея, способная сплотить российское общество и расширить евразийское сотрудничество. Однако, в любом случае, «маятник качнулся». Слишком далеко или не очень покажет время.

Список литературы / References

Бжезинский, З. (1998). *Великая шахматная доска. Международные отношения*. М.
Brzezinski, Z. (1998). *Great chessboard. International relationships*. Moscow. (In Russ.)

Герцен, А. И. (1958). *Былое и думы*. М. ГИХЛ.
Herzen, A. I. (1958). *Past and thoughts*. Moscow. (In Russ.)

Каплан, Р. (2015). *Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного*. М. КоЛибри.

Kaplan, R. (2015). *Revenge of geography. What maps can tell about coming conflicts and the battle against the inevitable*. Moscow. (In Russ.)

Кончаловский, Д. П. (1997). *Россия и Европа. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков*. Сост. Н. Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М. С. 645-649.

Konchalovsky, D. P. (1997). *Russia and Europe. In In search of their own path: Russia between Europe and Asia. Reader on the history of Russian social thought of the 19th and 20th centuries*. Fedorovsky, N. G. (comp.). 2th ed. Moscow. pp. 645-649. (In Russ.)

Маккиндер, Х. (2021). *Географическая ось истории*. Пер. В. Желнинов. М. Изд-во АСТ.
Mackinder, H. (2021). *Geographical axis of history*. Zhelninov, V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Окунев, И. Ю. (2012). *Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики. Культурная и гуманитарная география*. Т. 1. № 2. С. 152-158.

Okunev, I. Yu. (2012). *Critical geopolitics and post-critical shift in the research paradigm of geopolitics. Cultural and humanitarian geography*. Vol. 1. no. 2. pp. 152-158. (In Russ.)

Сурков, В. (2018). *Одиночество полукровки. Россия в глобальной политике*. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14-2/> (дата обращения: 07.05.2023)

Surkov, V. (2018). *Loneliness of the half-breed. Russia in global politics*. no. 2. [Online]. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14-2/> (Accessed: 07 May 2023). (In Russ.)

Филиппов, А. Ф. (2008). К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта. *К. Шмитт. Нотос Земли в праве народов jus publicum europaeum*. СПб. Владимир Даль. С. 640-666.

Filippov, A. F. (2008). To the political and legal philosophy of space by Carl Schmitt. In C. Schmitt. *Notos Land in the Law of the Peoples jus publicum europaeum*. St. Petersburg. pp. 640-666. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, профессор кафедры социальных и коммуникационных технологий Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, e-mail: gsolodova@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023

После доработки: 02.06.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, Professor of the Department of Social and Communication Technologies, Siberian State University of Telecommunications and Information Science, e-mail: gsolodova@gmail.com.

The paper was submitted: 10.05.2023

Received after reworking: 02.06.2023

Accepted for publication: 15.06.2023

РЕЦЕНЗИИ

УДК 323+371

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ПАВЛОВ Б. С., ГОГИБЕРИДЗЕ Г. М., ПАЦУЛА А. В.
АКТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.
М.: ИНФРА-М, 2021. 154 С. (НАУЧНАЯ МЫСЛЬ)**

Е. Н. Икингрин

Лаборатория региональных исследований качества жизни
Центра изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН (г. Москва)
ikingrinen@mail.ru

Аннотация. В рецензии анализируется монография коллектива авторов-социологов Б. С. Павлова, Г. М. Гогиберидзе, А. В. Пацулы «Актуальные модели государственной и региональной политики в сфере патриотического воспитания». В исследовании, представленном в монографии, осуществлен теоретический анализ сущности, природы и генезиса патриотического воспитания, выявлены содержание, роль и особенности патриотического воспитания в обществе, изучена государственная и региональная политика как фундамент и средство патриотического воспитания, определены приоритетные направления государственной и региональной политики по патриотическому воспитанию, рассмотрены альтернативные функциональные модели осуществления патриотического воспитания, концептуально профилирована и эмпирически специфицирована интегративная модель патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, государственная и региональная политика, общество, государственная программа, стратегия.

Для цитирования: Икингрин, Е. Н. (2023). Рецензия на книгу: Павлов Б. С., Гогиберидзе Г. М., Пацула А. В. Актуальные модели государственной и региональной политики в сфере патриотического воспитания. М.: ИНФРА-М, 2021. 154 с. (Научная мысль). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 84-89. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.84-89

**BOOK REVIEW:
PAVLOV B. S., GOGIBERIDZE G. M., PATSULA A.V.
ACTUAL MODELS OF STATE AND REGIONAL POLICY IN THE FIELD
OF PATRIOTIC EDUCATION. MOSCOW. INFRA-M. 2021. 154 P.
(SCIENTIFIC THOUGHT)**

E. N. Ikingrin

Laboratory for Regional Studies of Quality of Life
of the Centre of Russian Regions Research of the Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
ikingrinen@mail.ru

Abstract. The review analyzes the monograph written by the collective of sociologists B. S. Pavlov, G. M. Gogiberidze, A. V. Patsula “Current models of state and regional policy in the field of patriotic education”. The research presented in the monograph, provides a theoretical analysis of the essence, nature and genesis of patriotic education, reveals the content, the role and features of patriotic education in society, considers the state and regional policy as the foundation and means of patriotic education, determines priority directions of state and regional policy in this sphere. It is valuable that the authors explore alternative functional models of patriotic education, conceptually profile and empirically specify the integrative model of patriotic education.

Keywords: patriotic education, state and regional policy, society, state program, strategy.

For citation: Ikingrin, E. N. (2023). Book Review: Pavlov, B. S., Gogiberidze, G. M., Patsula, A. V. Actual Models of State and Regional Policy in the Field of Patriotic Education. Moscow. INFRA-M. 2021. 154 p. (Scientific Thought). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 84-89. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.84-89

В 2021 г. в издательстве ИНФРА-М была опубликована монография творческого коллектива авторов-социологов Б. С. Павлова, Г. М. Гогиберидзе, А. В. Пацулы «Актуальные модели государственной и региональной политики в сфере патриотического воспитания».

Книга вышла в свет в чрезвычайно сложный период, когда, с одной стороны, государство ставит перед системой образования важную задачу возрождения системы патриотического воспитания детей и молодежи. С другой стороны, сегодня – в период военной эскалации, экономической, санкционной и информационной войн – рассматриваемая работа в полной мере органично встраивается в образовательный и научный дискурс исследования проблем воспитания в обществе.

В монографии с первых строк раскрываются такие актуальные и ключевые концепты, как патриотизм, гражданственность, Отечество, патриотическое воспитание.

Авторы аргументированно обосновывают актуальность своего исследования серьезными вызовами, сердцевина которых – враждебные и несправедливые санкции Запада в отношении России. Создатели монографии особо подчеркивают важность патриотического воспитания всех граждан нашей страны.

Исследователи в своей работе репрезентируют инновационный модельный подход к государственной и региональной политике в сфере патриотического воспитания. В частности, они отмечают, что *«от продуманной расстановки приоритетных направлений государственной и региональной политики по патриотическому воспитанию, поиска, обнаружения и применения его оптимальных функциональных моделей во многом зависит судьба и будущее развитие страны».*

Патриоты в книге представлены как политическая сила и противопоставлены глобалистам – другой политической силе. Обе силы непримиримы, у них разные системы ценностей. Их принципиальное различие касается отношения к национальному государству. Дилемма патриотов и глобалистов, как отмечают авторы монографии, *«связана с двумя взаимоисключающими сценариями развития грядущего: мирное развитие, процветание и взаимовыгодное сотрудничество национальных государств, базирующиеся на уважении, сохранении, совершенствовании и защите цивилизационных, культурных и исторических корней самобытных этносов или централизованно управляемый искусственный плавильный тигль, принудительно устраняющий все страновые различия, полностью стирающий идентичность разных народов, устанавливающий тотальный контроль космополитичной группы мультимиллиардеров ...».*

Выстраивая свой анализ на исторических фактах и логических аргументах, авторы рассматривают термины «патриотизм» и «патриотическое воспитание» как сложные и многомерные концепты, «отражающие однопорядковые, но не тождественные феномены бытия людей в природе и обществе», которые, в свою очередь, основываются и зависят от интеллекта, абстрактного мышления, символического языка и способности к целенаправленному действию организации и самоорганизации.

Согласно авторам монографии, первый шаг к формированию необходимости воспитательных действий в обществе произошел в результате радикального скачка от имитационного обучения животных к когнитивно-понятийному обучению, а уже потом к воспитанию людей.

При этом развитие указанных стратегий стало осуществляться в двух формах: рациональной и иррациональной. *Иррациональная форма* послужила основанием для формирования первых механизмов воспитания человеческой личности.

Авторы монографии обращают внимание на зарождение воспитательных практик в эпоху Древней Греции. Патриотизм выступал в то время как один из высших ценностных столпов общества, а его целенаправленное привитие в людях происходило на основе воспитания. Таким образом, патриотизм и воспитание зарождаются и оттачиваются одновременно, синхронно. Рассмотрев разнообразные точки зрения на генезис воспитания, авторы исследования подчеркивают отсутствие единого мнения на указанную проблему у современных отечественных и зарубежных исследователей.

Зарождение и развитие института семьи, частной собственности, денежной системы, общественной и государственной организации в эпоху Античности, согласно авторам монографии, являются механизмами интеграции, способом связи людей в единое целое. Такие процессы отражают генезис патриотизма, который исследователями определяется как социальное чувство любви, привязанности, верности и преданности к Родине, родному очагу, роду, семье, стремление приносить пользу своим близким, друзьям, соотечественникам и городам-полисам, готовность сражаться за них, не щадя собственной крови.

Подводя итог подробному историческому рассмотрению генезиса патриотизма, авторы делают логичный вывод, что источниками становления патриотизма и патриотического воспитания не только в греко-латинской цивилизации, но и на Древнем Востоке, выступают естественно-природные, географические, экономические, социокультурные, политические, религиозные и этнические предпосылки: «... в древних цивилизациях Запада и Востока отчетливо высвечиваются сложная сущность, множественная природа и временные границы генезиса таких феноменов, как патриотизм (социальное чувство, нравственный и политический принцип) и патриотическое воспитание (специализированный и технологический вид деятельности по привитию личности любви, привязанности, верности и преданности к Родине, по интериоризации их как внутреннего руководящего правила жизни и поведения)».

Исторический ракурс исследуемых явлений и феноменов позволил исследователям перейти к изучению содержания, специфики и роли патриотического воспитания в современном российском обществе. Авторы убедительно заявляют о появлении в России

в начале 1990-х гг. новых субъектов и систем воспитания, отражающих имущественные интересы новых общественных страт. Такие трансформации были связаны, по справедливому мнению авторов, не только с изменениями социальной структуры российского общества, но и с кардинальными изменениями в системе ценностей российского общества, ставшими, в свою очередь, причиной кризиса социальной идентичности россиян.

Основываясь на научных дискуссиях, в том числе исторических, представленных в зарубежных и отечественных работах различных авторов: В. фон Гумбольдта, Дж. Локка, И. Г. Песталоцци, М. В. Ломоносова, К. Д. Ушинского, Г. Кершенштейнера, А. С. Макаренко, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого, К. Н. Вентцеля, А. Гезелла, М. Монтессори, Х. Вернера, Ж. Пиаже, Б. Гинзберга, Л. Н. Гумилева, Н. А. Бердяева и многих других, авторы делают вывод о том, что патриотизм любого народа рождается в самый трудный, переломный и трагический периоды его истории и сопряжен с коллективным подвигом и жертвенностью. При этом патриотизм воспитывается не словами, а реальными делами, сопряженными со спасением, защитой, восстановлением, развитием и приумножением могущества Родины, обеспечением ее процветания, созданием условий для благополучия, достоинства, уважения и самоуважения большинства граждан страны.

Сформулировав определения ключевым понятиям своей концепции, авторы монографии предприняли попытку дать ответ на вопрос: почему государственная и региональная политики выступают одновременно как фундамент (основа) и средство (инструмент) патриотического воспитания в обществе. Для ответа на этот вопрос внимание авторов было обращено на концепции бюрократии Г. Моски, Т. Веблена, М. де Гурнэ, Л. фон Мизеса, других авторов и политических деятелей. Общий обзор этих взглядов позволил авторам прийти к существенному выводу о том, что на процесс бюрократизации современной государственной и региональной политики влияет целый комплекс факторов: цивилизационных, географических, демографических, технологических, научных, образовательных, экономических, социальных, политико-правовых, идеологических. В совокупности они рожают синергетический эффект и определяют преобладающий вектор процесса бюрократизации современной государственной и региональной политики в разных странах. Убедительная аргументация собственной позиции позволила авторам монографии заявить, что абсолютизация любого из указанных факторов может привести к редукционизму и в итоге к постулированию неверных выводов. Поэтому ключевым здесь, по их обоснованному мнению, становится полифакторный подход.

Он предоставил возможность исследователям рассмотреть приоритетные направления государственной и региональной политики по патриотическому воспитанию в современной России. Обзор ключевых государственных нормативных актов в сфере воспитания, а именно государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.», позволил авторам выявить и проанализировать основные направления в системе патриотического воспитания: духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и военно-патриотическое. Основываясь на целой палитре разнообразных доказательств, исследователи в своей монографии акцентируют внимание на том, что патриотическое воспитание в современной России – это арена острейшей идеологической борьбы.

Стремясь к объективной интерпретации исследуемого объекта, авторы монографии проанализировали альтернативные функциональные модели осуществления патриотического воспитания. Они позиционируются исследователями как концептуальные и дескриптивные образцы решения конкретной управленческой задачи – осуществления патриотического воспитания. На основе анализа глубинных противоречий, сложившихся в современном российском обществе среди представителей разных классов, сословий и социально-демографических совокупностей, в монографии специфицированы 16 групп оппозиций-противоречий, на основе которых выявлены альтернативные функциональные модели осуществления патриотического воспитания молодежи и граждан Российской Федерации: экономическая, институциональная и интегративная. В итоге авторы доказывают, в том числе на основе обширного эмпирического материала, собранного ими за многие десятилетия поисковой исследовательской деятельности, что в настоящее время планомерное и последовательное развитие патриотического воспитания и образования в России – это *«важнейшая стратегическая задача государства, актуальное условие обеспечения национальной безопасности страны, базовая предпосылка оздоровления и модернизации всех сфер жизни нашего общества. Ключевая роль в решении этой задачи принадлежит высшему образованию»*.

Особый акцент в монографии уделяется изучению специфики интегративной модели патриотического воспитания. По мнению авторов, применение указанной модели должно быть направлено на преодоление девиантного поведения современной молодежи, морального разложения и культурной деградации современного общества. В книге проявления девиантного поведения у российской учащейся молодежи условно сгруппированы в три основные сферы: сферу непосредственного влияния и социального контроля родительской семьи; сферу общеобразовательной или профессиональной деятельности; сферу внесемейной и внеучебной жизнедеятельности.

Другим важным аспектом в реализации принципов патриотического воспитания молодежи, с точки зрения авторов монографии, является воспроизводство социальной памяти и преемственности поколений в общественном и быденном сознании россиян. Создатели книги убедительно доказывают выдвинутый тезис на основе результатов собственных эмпирических исследований.

Завершая рассмотрение указанной монографии, подчеркнем, что книга будет полезна руководителям и работникам органов государственного и муниципального управления в сфере молодежной политики, специалистам и экспертам по патриотическому воспитанию детей и молодежи. Считаю, что результаты исследования, содержащиеся в книге, должны стать одним из основных теоретических и методологических источников воспитательной работы, проводимой преподавателями высших и средних специальных учебных заведений. Представленный в работе обширный репрезентативный эмпирический материал может быть востребован научными работниками академических институтов и исследовательских центров. Эта книга очень полезна студентам высших учебных заведений, обучающимся по социальным и гуманитарным специальностям, в особенности она необходима тем юношам и девушкам, кто планирует связать свое будущее с педагогической профессией.

Сведения об авторе / Information about the author

Икингрин Елена Николаевна – заслуженный деятель науки ХМАО, кандидат социологических наук, доцент, ассоциированный сотрудник Лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, e-mail: ikingrinen@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 04.05.2023

После доработки: 28.05.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

Ikingrin Elena – Honored Scientist of the KhMAO, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate researcher at the Laboratory for Regional Studies of Quality of Life of the Centre of Russian Regions Research of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Moscow, Krzhizhanovskogo str., 24/35, Building 5, e-mail: ikingrinen@mail.ru

The paper was submitted: 04.05.2023

Received after reworking: 28.05.2023

Accepted for publication: 15.06.2023

УДК 141.4

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ОБОЛЕВИЧ Т.
ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И НЕ ТОЛЬКО.
ЛЕЙДЕН; БОСТОН: БРИЛЛЬ. 2022.
(Contemporary Russian Philosophy, 4). XXII + 219 p. ISSN 2406 – 0070;
ISBN 978-90-04-52181-0 (hardback); ISBN 978-90-04-52182-7 (e-book)**

Д. И. Макаров

Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского
Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
dimitri.makarov@mail.ru

Аннотация. В книге профессора Краковского университета сестры Терезы Оболевич показано формирование и развитие двух основных линий в русской философии: «философии всеединства» Вл. Соловьева и его преемников и неопатристического синтеза протоиерея Г. Флоровского. Переплетение этих тенденций прослежено вплоть до работ С. С. Хоружего, вышедших уже в XXI в. Подобно известному на Западе отцу Томасу Мергону, Хоружий также интересовался исихазмом, дзеном и их духовными практиками. Т. Оболевич полагает, что критерии для неопатристического синтеза не были Флоровским четко сформулированы. Мы полагаем, что кроме Хоружего, видных сторонников этого направления в новейшей истории русской мысли не имеется.

Ключевые слова: русская философия, византийская философия, евразийская мысль, патристика, исихазм, всеединство, неопатристический синтез.

Для цитирования: Макаров, Д. И. (2023). Рецензия на книгу: Оболевич Т. Восточно-христианская традиция в современной русской мысли и не только. Лейден; Бостон. Брилли. 2022. (Contemporary Russian Philosophy, 4). XXII + 219 p. ISSN 2406 – 0070; ISBN 978-90-04-52181-0 (hardback); ISBN 978-90-04-52182-7 (e-book). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 90-95. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.90-95

**BOOK REVIEW:
OBOLEVICH T.
THE EASTERN CHRISTIAN TRADITION
IN MODERN RUSSIAN THOUGHT AND NOT ONLY.
LEIDEN. BOSTON. BRILL. 2022.
(Contemporary Russian Philosophy, 4). XXII + 219 p. ISSN 2406 – 0070;
ISBN 978-90-04-52181-0 (hardback); ISBN 978-90-04-52182-7 (e-book)**

Makarov D. I.

Ural State Conservatory named after M. P. Mussorgsky
Ural Federal University (Yekaterinburg)
dimitri.makarov@mail.ru

Abstract. In the book by sister Teresa Obolevitch, Professor of the Krakow University, the formation and development of the two basic lines within Russian philosophy is shown, i.e., of Soloviev's «all-unity» system and of Archpriest G. Florovsky's «Neopatristic synthesis». The author tracks down their intertwining up to the 21st-century works by S. S. Horuzhy. Like Fr. Thomas Merton, wide known in the West, Horuzhy also showed up a deep interest in Hesychasm, Zen and their spiritual practices and techniques. Prof. Obolevitch believes that Florovsky had not proposed clear-cut criteria for building up a Neo-patristic synthesis of the present-day Russian thought. Besides Horuzhy, no prominent adherents of this trend of thought are to be seen in the most recent history of Russian thought.

Keywords: Russian philosophy, Byzantine philosophy, Eurasian thought, patristics, hesychasm, all-unity, the Neopatristic synthesis.

For citation: Makarov, D. I. (2023). Book Review: Obolevitch T. The Eastern Christian Tradition in Modern Russian Thought and Beyond. Leiden; Boston: Brill, 2022. (Contemporary Russian Philosophy, 4). XXII + 219 p. ISSN 2406 – 0070; ISBN 978-90-04-52181-0 (hardback); ISBN 978-90-04-52182-7 (e-book). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 90-95. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.90-95

The book by sister Teresa Obolevitch is dedicated to the memory of recently departed Fr. Peter Scorer, Andrzej Valicki and Serguey Horuzhy. Its very dedication reveals the author's wish to situate Russian philosophy “between the East and the West” (cf. the title of Ch. 4), i.e., as a center of a fruitful meeting of different Orthodox, Catholic, and to a less degree Protestant traditions, as well as a locus of a seminal discussion between Christianity and Zen (cf. a sympathetic analysis of Fr. Merton's and S. Horuzhy's interest in Zen on pp. 160–168, esp. p. 162 on a «marriage of Zen and Sophia» in Merton, according to Ch. Pramuk). One of the pivotal questions here is that of *deification*, even though, in the author's words, «this concept does not belong to the canon of *depositum fidei* in the West» (p. 49). Whereas the representatives of the neo-Patristics (the main ones among them being Fr. Georges Florovsky and Vladimir Lossky) understood this notion in the patristic sense, the adherents of the second main branch of Russian philosophy, i.e., of the all-unity and Sophiology (cf. p. 119, 140, 171), took it rather perversely. This bilateral division, as well as the author's approach to philosophy, which presupposes looking for centuries-long religious and spiritual traditions being reflected in its lore (see p. 130), looks contemporary and is easily justifiable. Vladimir Solovyov and his followers have added to this religious background a concrete metaphysics, which related in a greater detail the creation by God of an ideal trans-empirical world (p. 127). Fortunately, we see by now a well-developed trend of corresponding investigations thanks to the meticulous work by sister Teresa and her colleagues (one may be reminded of widely quoted here *Essays in Russian Spiritual Tradition* by Serguey Horuzhy).

The author was prompted by a longing to specify common stereotypes which reduce the specificity of Russian philosophical schools to a struggle between uniformly seen “Platonists” and “Aristotelians”: «Philosophy (and especially the history of philosophy) is also too often given to the temptation to yield to clichés and to superficial classifications of authors as “idealists” or “materialists”, “Platonists” or “Aristotelians”. A closer consideration of certain passages by individual thinkers often shows that their views are much more nuanced» (p. 24). This is certainly so.

Let us envisage the way the author analyses these nuances in her book. The book consists of the Introduction (p. XVIII–XXI), acknowledgments (p. XXII), the four chapters (pp. 1-170), the Conclusion (pp. 171-175), the Bibliographical list (pp. 177-210) and the index of names and notions (pp. 211-219); the main content is preceded with B. Gallacher's preface (pp. IX–XVII).

Let us adduce here the chapters' titles, so as to limit ourselves in what follows to a total appraisal of the author's contribution to her topic, because all the chapters are close-knit with a high degree of inner unity: «The Renaissance of Patristics in Russian Thought» (Ch. 1; pp. 1-54); «Apophaticism in Modern Russia» (Ch. 2; pp. 55-90); «God and the World in the Perspective of Apophaticism» (Ch. 3; pp. 91-130); «Russian Religious Philosophy: Between the East and the West» (Ch. 4; pp. 131-170).

The author takes her stand with Metropolitan Pavlos of Glyfada in his critique of Fr. Andrew Louth's somewhat exotic idea of a "post-Patristic" synthesis (p. 173, n. 10). No "post-Patristics" is thinkable within Orthodoxy, because "Jesus Christ the same yesterday, and to day, and for ever" (*Hb.* 13, 8), the holy Fathers being "the elect vessels" of the Tradition – the point which had been reminded of by Fr. Yves Congar in his famous article taken into consideration by T. Obolevitch. Otherwise, if we are to recognize Fr. Louth's correctness, we will have to admit as something much desirable and even necessary for the Orthodox thought both a «pre-Patristic synthesis» (thus being strongly liable to the temptation of declaring Neoplatonism as a synthesis of the kind), and an «extra-Patristic synthesis», say, a Hegelian one, or a «social Christianity» mocked at in Lewis' *The Screwtape Letters* (Letter 16); etc. And what will be our final goal in such a wandering? Where are (the) limits of modernization? The corresponding anxiety sounds in sister Teresa's book very clearly. If "Georges Florovsky's Neopatristic synthesis is not a completed project" (p. 26), it means that its completion is a task in store for us or for future generations, in compliance with its general idea. Sister Teresa tries to prove that Fr. Sergius Bulgakov's Sophiology was not such a serious deviation from Orthodoxy (cf. p. 134), but we are not fully convinced, as Bulgakov's idea (or, to put it more correctly, mythologeme) of Sophia seems to be in too obvious a way at odds with 1 *Tim.* 2, 5–6 (cf. on Florovsky's and Lossky's similar approach to it on p. 133). Referring to D. S. Birjukov, sister Teresa asserts that Bulgakov was "a neo-Palamist in the sophiological vein" (p. 137), but it sounds almost like "a neo-Nicaean in the Arian vein": if the last specification were true for St. Basil, it would be so only with serious reservations concerning his *intellectual* (not *spiritual*) background. No doubt, Fr. Sergius was, «in a certain sense, a patrologist» (p. 136), but «in a sense» a huge herd of heretics, from the Cyrillian monophysites up to the subsequent compilers of dogmatic *florilegia*, like Patriarch Sergius and the monoenergists, the iconoclasts of 754 and 815, the anti-Palamites (as Acindynus) and so on, were patrologists, and sometimes rather prominent ones. It would thus seem to us that it is in this "anti-Palamite" row that Bulgakov, with all his creative genius, reminiscent of Gregoras, can be entered more naturally. Yes, it is also a Tradition branch (or, to put in in a proper way, an adjacent to the Tradition), but the one which seems to be "heterodox". Things will not stand differently, even if we acknowledge that Fr. Sergius had been «a peculiar forerunner or "godfather" of Neopatristic synthesis» (p. 137). T. Obolevitch seems to be rather sympathetic to Bulgakov's patrological relativism, which is evident in his statement that «the Fathers' writings cannot be accepted blindly as bearing dogmatic authority» (quoted from p. 137), but this Marcion-like trend will lead us to a negation of the Gospel and the Tradition as a whole (but cf. the author's remark on p. 141 about a digression of Russian religious philosophers from the exact dogmatic terminology).

This is one of the reasons which make us think that the quarrel with Sophiology cannot be explained with personal hostilities between its adherents and the representatives of the Neopatristic synthesis (as the author suggests on p. 135), because in the age of enormous spiritual crossroads and change such a hypothesis turns out to be irrelevant, for, e.g., whatever St. Cyril's

of Alexandria attitude towards St. John Chrysostom could be, both Fathers are venerated as the great pillars of the Church. Nobody will deny Bulgakov's philosophical magnitude. But dogmatic consciousness is something extremely conservative and rigorous. As sister Teresa notes with acumen, Sophia has got its right to exist in the history of thought as a theologoumenon «and, all the more so, as a philosopheme» (p. 139). The analysis contained in the book permits one to come to such a conclusion. Nevertheless, in the present writer's mind, Father Copleston was more correct in his critical evaluation of Sophiology than Valliere (p. 139, n. 41). Indeed, Bulgakov's "creaturely-mediating [*tvarno-posredstvujushchaja*] Sophia" (p. 141) rather reminds one of Nicephorus Gregoras' monsters like an uncreated-created or uncreated-uncreated (and so "twice uncreated", whatever this could mean) God (ἀκτιστόκτιστον ἢ ἀκτιστοάκτιστον) [*Nic. Greg. Byz. Hist. XXX, 17: PG. 149. 269A*], than of Orthodox "divine dictionary". Be this as it may, in this regard Russian philosophy, as many other avant-garde phenomena, stands out with its "interdiscursivity" [Соколова, 2019, с. 155-176, особ. 158, 162].

We agree with the author's remark, which we deem useful to be extrapolated at our approach to philosophy as well: «A careful study of the early Christian authors should be accompanied by wide-ranging philosophical and scientific research, which would be in keeping with the "spirit" of the Church Fathers themselves» (p. 174). One thinks that it is just the way taken by sister Teresa who asks: «Is there an opposition between the West and the East in the Russian religious thought? To what extent can Russian thought be topically relevant to Russian philosophy, and to what extent can Russian thought be topically relevant to the Western world?» (p. 131). Nowadays this opposition has lost much in its meaning, and not only from the Eurasians' standpoint, as it is clear that during the formative period of Russian philosophy the decisive role in its development was played by the Byzantine thought which was neither purely Western nor absolutely Greek, but Eastern European, or, if one wishes so, *central Eurasian* and in this quality valuable both for the Northern Russian lands (Novgorod) and for the Southern and South-Western ones (Kiev), and for Moscow and Tver later on. Today, when a changing in the geopolitical horizons is in progress, something analogous is taking place when Bakhtin, Jakobson and Lotman gain popularity in Brazil, New Zealand and SAR, and some Southern (especially Latin American) thinkers, and especially writers, become popular all over the globe¹. One cogitates that it is a *median way* of Byzantine and Russian philosophy which can be elucidated now using such kind of examples which get over the old dichotomies. Sister Teresa writes, quoting Asproulis, that, in the final analysis, Russian Neopatristic synthesis and Sophiology supplement one another (p. 141, n. 50). If this judgment is philosophically correct, then, dogmatically it is open to criticism. And, of course, it is evident that the representatives of both trends "were the interpreters of the Russian culture in the West" (p. 142).

From the shortcomings of the book we would single out a lack of comparison between Bulgakov's Sophia and some analogous, or looking analogous, twentieth-century notions, the first among the latter being that mysterious "basic female beginning of the Creation", which was named in Oscar Ventzeslaus de Lubitch Miłosz (1877–1939), the uncle of Czesław Miłosz (1911–2004), *La Féminité de la Manifestation* [Милош, 2018, гл. 35].

Despite the elitarian character of this affinity, we see in this "moment of touch" between Russian and Polish cultures an appearance of that *median way* which was just mentioned [cf. above]; it is, properly speaking, what the author summons us to take (p. 146, 170). Let us add

¹ Certainly, the same is true for the French post-structuralists, Noam Chomsky *et al.*

here that it would be also good to adjust an interaction between Russian philosophy, on the one hand, and its Spanish and Portuguese counterparts, on the other, especially as in the latter one (say, in Pessoa) its own sophiological impulses were to be seen². That «a peculiar “renaissance” of sophiological questions» (p. 146), which has been going already in the 21st century, but had been foreseen by Berdiayev in his letter to Bulgakov from June 2, 1933 (p. 145-146), may also extract a new fueling for it from these relatively remote sources.

Surely, the author is a master of comparative analysis. Juxtaposing Whitehead's and his colleagues' philosophy of process with corresponding Russian ideas, sister Teresa underlines that: «Both process and Russian thought were looking for a *via media* (italics T.O. – D.M.) between monism and dualism in the shape of panentheism» (p. 117). To bear this out, she adduces a winning quotation from Hartshorne. But then in Russian philosophy a doctrine of Divine energies, i.e., of God Himself, according to Orthodox dogmatics, as a link between God in Himself and the world, was more clear-cut: «The discourse of energies has undeniable heuristic potential» (p. 171, cf. p. 141 on Florovsky's «the “ontology of energy”»). Apposite is also the author's analogy between Whitehead's *togetherness* and Russian *sobornost* (or conciliarity) (p. 118).

Following the irenic approach, sister Teresa polemicalizes with Fr. Florovsky in what the main idea of her book is concerned: «The relationship between them (i.e., the Neo-patristic synthesis and Sophiology. *D. M.*) is synthetic and dialectical. Nevertheless, these directions are not as radically different as in Florovsky's estimation» (p. 140). Estimations of such a kind used to depend on a sharpness of one's dogmatic self-consciousness, which is beyond philosophy. Anyway, on a purely philosophical level «Neopatristic synthesis is ... more of a correction of the philosophy of all-unity than its negation» (p. 141) – as we would adduce, inasmuch as the Neopatristics sees itself as a part of *philosophy* in general. But it is the gist of the matter that this more traditional trend does not fully correlate itself with philosophy alone, being a complex thought phenomenon. This syntheticity and ambiguity of both the main components of the Russian religious and philosophical renaissance of the 20th century is successfully open up in the book under analysis.

We should be grateful to sister Teresa Оболевич for a vividly, thoughtfully and fascinatingly written book dedicated to one of the most original flows of European – and Eurasian – thought and culture. Taken together with a long list of the scholar's previous publications, this work is able to serve as a navigator for the years to come for different-level readers, from novices to experts, in their sailing by the sea of Russian thought, which has become in the twentieth and twenty-first centuries general European and Eurasian property.

² Portuguese scholars themselves regard the first half of the 20th century as a period of the “Portuguese renaissance” [Тейшейра, 2021, с. 32]. Cf., e.g., in Teixeira de Pascoaes (1877–1952) a lot of ideas concerning God's evolution in His creation, which look similar to those by Neoplatonists, Eriugena and Schelling: [Там же, 28–32]. In their turn, the Portuguese phenomena can be quite naturally understood as a part of a complicated history of the twentieth-century European gnosticism (Hesse, Th. Mann *et al.*) which still remains to be written. As for Spain, everyone remembers Unamuno's and Zubiri's traditionalist stance; but also Fransisco Torquemada, a character created by B. Perez Galdos, posits a question: “Is not really Spain *the most Catholic* (italics B. P. G. *D. M.*) country?” [Гальдос, 1958, с. 435–599, 583]. This theocentric perception of reality was evidently close to Russian literary characters as well as to the really lived philosophers.

Список литературы / References

Гальдос, Б. П. (1958). *Повести о ростовщике Торквемаде. Торквемада и святой Петр*. М. Гос. изд-во худ. литературы. 600 с.

Galdos, B. P. (1958). *Stories about Torquemada. Torquemada and St. Peter*. Moscow. 600 p. (In Russ.)

Милош, Ч. (2018). *Земля Ульро*. Санкт-Петербург. Издательство Ивана Лимбаха. 472 с.

Milosh, Ch. (2018). *The Land of Ulro*. St Petersburg. 472 p. (In Russ.)

Соколова, О. (2019). Межсемиотичность как категория идиоматики авангарда (на материале поликодовых манифестов русских футуристов). *Зборник матице српске за славистику (Славистический сборник)*. № 96. С. 155-176.

Sokolova, O. (2019). Intersemioticity as a Category of Avant-garde Idiomatics (A Case Study of Multimodal Russian Futurist Manifestos). *Review of Slavic Studies (Zbornik matice Srpske za slavistiku)*. No. 96. pp. 155-176. (In Russ.)

Тейшейра, А. Б. (2021). *Философия саудаде*. М. Издательский дом «Русская философия». 176 с.

Teixeira, A. B. (2021). *Philosophy of Saudade*. Moscow. 176 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Макаров Дмитрий Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского, 620014, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 26; профессор кафедры древней и средневековой истории Уральского федерального университета, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, e-mail: dimitri.makarov@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023

После доработки: 02.06.2023

Принята к публикации: 20.06.2023

Makarov Dmitry – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of General Humanitarian Disciplines of the Ural State Conservatory named after M. P. Mussorgsky, 620014, Yekaterinburg, 26 Lenina av.; Professor of the Department of Ancient and Medieval History of the Ural Federal University, 620002, Yekaterinburg, 19 Mira st., e-mail: dimitri.makarov@mail.ru.

The paper was submitted: 10.05.2023

Received after reworking: 02.06.2023

Accepted for publication: 20.06.2023